

**Лев
ГУРСКИЙ**

**СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АТЛАНТИДЫ**

ПринТерра-Дизайн
Волгоград, 2010

ББК 84-4

Г 95

Литературные фельетоны

Рисунок на обложке Аркадия Гурского

Автор выражает благодарность Виктору Маркову, Борису Файфелю, Аркадию Гурскому, Андрею Минину, Юлии Арановской, Сергею Сергеевскому и Светлане Юдиной за помощь в издании этой книги.

Гурский Л. А.

Г 95 Союз писателей Атлантиды: Литературные фельетоны. Волгоград: Издательство «ПринТерра-Дизайн», 2010. – 120 с.

ISBN 978-5-98424-000-0

Лев Гурский, известный автор политических триллеров, вернулся в родной Саратов и обнаружил, что местной культурой заведует милицейский генерал, местные писатели разучились читать, местные философы лечат геморрой внушением, местные краеведы гордятся страусами, а местное болото объявлено лучшим в мире. Здесь Пушкина путают с Лениным, здесь Госбезопасность приравнивают к Отечеству, здесь человека, доносившего на Высоцкого, производят в почетные граждане, а человека, угробившего Твардовского, чествуют как великого земляка... Вы думаете, Лев Гурский преувеличивает и нагнетает страсти? Ах если бы! В его литературных фельетонах, которые вошли в этот сборник, вообще ничего не придумано, а всё, к сожалению, правда.

ББК 84-4

© Leo Gursky, 2010

© Оформление. «ПринТерра-Дизайн», 2010

ПОЖАТЬЕ КАМЕННЫХ ДЕСНИЦ

...Темными безлунными ночами Николай Гаврилович Чернышевский слезает со своего пьедестала и, озираясь по сторонам, чтобы никого не напугать, спускается вниз по улице Волжской – до тех пор, пока не упирается в постамент-кресло, на котором сидит Константин Александрович Федин и смотрит на пивной павильон. «Ну что, брат Костя, проблемы?» – печально спрашивает Чернышевский. «Типа того, брат Коля, – соглашается Федин. – А что делать?..»

Стоп-стоп! Этот разговор двух каменных гостей, разумеется, есть чистый вымысел: у Чернышевского с Фединым сегодня проблем нет, поскольку оба писателя-земляка уже умерли. Другое дело – литературные бренды «Чернышевский» и «Федин», раскрученные в советскую эпоху. С ними и впрямь сегодня не все благополучно.

Во времена СССР Чернышевский и Федин вряд ли бы стали жаловаться. Оба они (первый раньше, второй позже) заслужили прописку в официальном Пантеоне времен развитого социализма и отвечали, соответственно, за XIX и XX века: Николай Гаврилович как «выдающийся революционер-практик, вдохновитель

борьбы масс против царизма и крепостничества», а Константин Александрович как председатель правления СП СССР, Герой Соцтруда и лауреат Сталинской премии, запечатлевший «переход лучшей части интеллигенции на позиции пролетарской революции» (цитаты взяты из третьего тома «Энциклопедического словаря» 1955 года).

С мрамором, бронзой и мемориальными табличками перебоев в ту пору не было. Оба писателя стали для Саратова теми «священными коровами», без которых был уже невозможен список местных достопримечательностей, известных на всю страну. В честь Константина Александровича открывали музей, называли улицу, теплоход и пединститут. В честь Николая Гавриловича (помимо дома-музея) называли дюжину улиц, проспект, университет, станцию метро, несколько поселков во всех концах страны и др. Ну разве что не осуществилась заветная мечта внучки автора «Что делать?», Нины Михайловны, – переименовать Саратов в Чернышевскоград: согласно тогдашней иерархии партийных ценностей, революционер доленинского периода мог претендовать максимум на райцентр. (Впрочем, как рассказывают сотрудники музея, еще в начале 80-х годов по коридорам саратовской власти бродил некий отставной московский генерал с желтым

портфелем и уговаривал чиновников вернуться к идее Чернышевскограда... Он, конечно, оказался сумасшедшим – но мания-то какова! Кто еще из писателей мог похвастаться персональным психом, да в таком высоком звании?)

Издательская судьба у обоих в советские годы складывалась тоже на редкость удачно: у первого – после смерти, у второго – еще при жизни. Оба были представлены в школьной программе (первый – пошире, второй – покомпактнее), что обеспечило регулярное тиражирование тех их произведений, которые были признаны главными. Помимо ПСС выходили тома избранного, трехтомники, шеститомники в разнообразных сериях. Про Чернышевского и по Чернышевскому ставились спектакли, по Федину – телевизионные сериалы. Хотя в биографиях обоих писателей наличествовали некоторые идейные шероховатости (первый был не в ладах с Карлом Марксом и ничего не писал о диктатуре пролетариата; второй, по молодости, принадлежал к идейно небезупречному литературному сообществу «Серапионовых братьев»), все сомнительное ретушировалось или аккуратно замалчивалось: прокрустово ложе господствующей идеологии обслуживали умелые специалисты...

Идиллия продолжалась до начала 90-х, а потом все кончилось. То есть памятники

остались на пьедесталах, улицы – на картах, музеи – на своих местах, и даже книги выпускаются до сих пор (хотя без бывшего фанатизма и гомеопатическими тиражами: Чернышевский в «Дрофе», Федин в «Терре»). Однако исчезло главное – госзаказ. А без этой подпитки даже самые стойкие бренды не могли не скукожиться. Вчерашняя идеология, которая вознесла как Чернышевского, так и Федина на вершину писательских иерархий, превратив в символы, обоих же быстренько и угробила.

Чернышевского, например, раньше массово насаждали, как картошку при Екатерине или Маяковского при Сталине и Брежневеве – то есть без чувства меры. В советские годы этот бренд продавливали (в стране и особенно в Саратове) с таким нажимом и пренебрежением к специфике художественного творчества, что когда маятник качнулся назад, Николаю Гавриловичу пришлось расплачиваться не только за публицистичность своей прозы и сюжетные натяжки, но, главным образом, за ретивость чиновников от минпроса и минкульта.

И беда была не только в этом. Ушло в прошлое четкое советское деление исторических фигур на «положительных» и «отрицательных» (царизм – плохой, борцы с ним – хорошие), ему на смену пришел релятивизм сродни шизофрении. В новом Пантеоне, где роли мучеников отведены

Столыпину или Николаю II, Чернышевский выглядит странно и двусмысленно. Герой? Не герой? Атеист, не любил царя-батюшку, сочинял в тюрьме непонятно что, «глубоко перепавшее» Ленина, – разве не подозрительно? Был очень нелюбим Первым Лицом государства, угодил в Сибирь по явно надуманному обвинению – совсем нехорошо, здесь уж налицо явная аллюзия чуть ли не с Ходорковским. А тут еще Лимонов так и норовит записать Николая Гавриловича то ли в предтечи, то ли в союзники, то ли в соавторы (в книгу «Другая Россия», написанную в Лефортовской тюрьме, Эдуард Вениаминович нарочно включил фрагмент из «Что делать?» – как послесловие к себе, любимому).

С Фединым все не так ужасно, но тоже неприятно. В былые годы в ранг классики были возведены худшие в литературном отношении, вымученные, зато «правильные» фединские вещи («Необыкновенное лето», «Первые радости», «Костер»), а наиболее совершенные его тексты 20-х и 30-х годов («Города и годы», «Санаторий Арктур», «Трансвааль») были задвинуты на периферию и отданы филологам.

Как только времена изменились, о Федине предпочли судить по самым тиражируемым, то есть самым неудачным его книгам. Из писателя, чей талант ценили Цветаева, Замятин, Зощенко, Ремизов, он без особого труда был превращен

лишь в литературного функционера. Припомнили ему (чаще всего вполне справедливо) «чистки» в Совпесе, судилище над Пастернаком, исключение Солженицына и др., и др. Репутация перевесила талант, чиновник загрыз стилиста, но в трагедии большого художника, наступившего на горло собственной Музе, разбираться уже недосуг ни истеблишменту (других забот хватает), ни массовому читателю (от других кумиров отбоя нету).

Сегодня Константин Федин состоит на балансе у области, а Николай Чернышевский – у города: музейщики творят чудеса за копейки, которые во времена кризиса даже неловко называть зарплатой. Им вдвойне трудно. На исходе первой декады XXI века в посмертной судьбе двух упомянутых писателей прослеживается нечто общее. Местные власти, похоже, сегодня в упор не знают, как этими старыми брендами распорядиться. Бросить их – расточительство, да и нет вроде других писателей-земляков с таким же увесистым бэкграундом. Но и всерьез поддерживать – удобно ли? как бы чего не вышло? Ведь не вполне ясно, то ли они еще (уже) гордость губернии, то ли нет уже (еще). Эх, думает, вероятно, начальство, если бы в связи с юбилеем Гоголя явился бы в Саратов какой-нибудь скупщик мертвых душ... Может, и Чернышевского с Фединым удалось бы ему сбегать?

СТИХИ НА СЛУЧАЙ СОХРАНИЛИСЬ

Любите ли вы Саратов так, как любит его управление по культуре администрации муниципального образования «Город Саратов»? Если да и если вы начинающий (вне зависимости от возраста) поэт, вам прямая дорога на конкурс «Мои стихи – тебе мой город». Именно так, без намека на запятую – корректоров прошу не править.

Недавно пресс-служба мэрии сообщила о целях этого конкурса, приуроченного к будущему Дню города: «Воспитание любви к родному городу и его славной истории», «развитие нравственных, патриотических и культурных традиций жителей г. Саратова» и «выявление начинающих талантливых поэтов». Состав жюри будет сформирован «из числа экспертов и специалистов в области литературы» (что, судя по аккуратному союзу «и», не одно и то же), а непосредственным выявлением талантов займется организатор состязания – МУК «Культурный центр им. П.А. Столыпина».

Согласно обнародованному Положению о конкурсе, представлять можно как и свеженарисованные, так и уже опубликованные стихи – но это единственное послабление конкурсантам. В остальных условиях предельно жесткие.

Во-первых, авторами должны быть «соблюдены правила орфографии и грамматики» (что дозволено организаторам мероприятия, на участников не распространяется!). Во-вторых, поэтических текстов должно быть не больше пяти (кто подаст шесть или семь, автоматически вылетает). В-третьих, стихи надлежит отпечатать на белой бумаге (упаси Боже, не на цветной и не наждачной!) формата А-4. В-четвертых, произведения ни в коем случае «не должны нарушать требований Закона РФ «О средствах массовой информации» (то есть, ни клеветы, ни хулиганства, ни терроризма, ни-ни!). В-пятых, в стихах обязано быть «воплощено авторское личностное уважение, любовь к своему родному городу» (ненавистникам-неуважайкам заранее лучше не соваться). И, наконец, важно, чтобы каждое стихотворение имело «название, набранное прописными буквами, шрифт 14-15».

Всех, чья любовь к городу способна преодолеть эти препоны, ждет награда: «дипломы Лауреата, дипломы I и II степени». Так и представляешь себе, как саратовские стихотворцы, одухотворенные призывом мэрии и взволнованные обещанной наградой, лихорадочно бросаются сочинять (вариант – выкапывать из шкафов) нетленные шедевры на местную тематику. А вдруг авторитетное жюри оценит старания и торжественно введет победителей

в Пантеон? Правда, большинство пьедесталов там уже занято (Николай Палькин, Иван Малохаткин, Александр Амусин), но несколько еще вакантно...

А теперь – серьезно. Хотя итоги будут подведены через несколько месяцев, спрогнозировать их качество можно уже сейчас. История отечественной литературы многократно доказала, что «датские» конкурсы необходимы лишь двум категориям граждан.

Одна категория – чиновники, которым требуется поставить в очередном отчете очередную «галочку» об еще одном проведенном мертворожденном мероприятии «в ознаменование» чего бы то ни было. Вторая категория – сонм «патриотических» графоманов, готовых выдавать километры строк «на случай» любого события, от юбилея до пожара. О подобных чиновниках, равно как и о подобных стихотворцах (умевших вплетать, куда ни попадя, «взвейтесь – развейтесь» и твердо знавших, что «рифма «заря – Октября» идет по полтора рубля»), еще в советские времена писали Ильф с Петровым и Булгаков. И что же? С тех пор красных сменяли на белых, серп-молот – на орла, стяги – на хоругви, Ленина – на Столыпина, но привычка к малоосмысленным телодвижениям, имитирующим «культурно-просветительную работу», жива и поныне.

За последний год городской комитет по культуре поучаствовал в доброй сотне мероприятий, «проводимых в рамках празднования Дня космонавтики, Масленицы, Дня России, Дня города, Нового года, Рождества Христова» и т.д., но какие из них проводилось не «для галочки»? Может быть, провальные Дельфийские Игры-2008? Или помпезные Дни Славянской письменности, когда, в итоге, самим горожанам пришлось частично оплачивать и Кирилла, и Мефодия?

Отдельно следует сказать о будущем исполнителе чиновничьего заказа. Придуманный еще Дмитрием Аяцковым МУП «Культурный центр имени П.А. Столыпина» ныне превратился в МУК (Муниципальное учреждение культуры), но так и не нашел своей экологической ниши. То есть маленький МУК, конечно, оказывает платные услуги, согласно тарифу (часовая «пешая экскурсия по городу с участием лектора, по Столыпинским местам», – 15 рублей с человека, сорокапятиминутная «лекция по краеведческим темам о деятельности Столыпина и других губернаторов области» – 100 рублей с группы, и т.п.), однако все это как-то не очень солидно для нынешних наследников Петра Аркадьевича. Поэтический конкурс – оно все-таки и поувесистей, попрестижнее будет, да и подходящими расценками за услугу МУК, надеемся, теперь не обделят...

Кстати, автор этих строк, не обладая провидческим даром Ванги, Глобы или Мишеля Нострадамуса, может даже предугадать, как будет выглядеть стихотворение-победитель. Примерно вот так:

САРАТОВ

*Саратов – город мой родной.
Стоит на берегу большой реки.
Прекрасен он и телом и душой.
Его черты красивы и легки.*

*О Саратове немало песен, много и стихов
Тут рождаются таланты, это город мастеров
Приезжайте к нам в Саратов, рады мы гостям
Наши добрые улыбки мы подарим вам.*

*Говорят и друзья, и подруги
Жарким летом и вьюжной зимой:
«Нет красивее места в округе,
Чем Саратов талантливый мой».*

И т. д., и т. п.

Это синтетический «патриотический» текст составлен из трех стихотворений, найденных в Интернете (имена авторов деликатно опустим). Текст этот удовлетворяет всем условиям

конкурса: есть и любовь, и гордость, и уважение – все по прейскуранту. За каких-то пару часов, проведенных в Сети, можно найти десятки таких же творений о Саратове, написанных и для предыдущих конкурсов на сходную тему (фантазия чиновников скудна), и по велению души.

Муза в этих произведениях, понятно, не ночевала, однако ими в любой момент можно закрыть амбразуру любого мероприятия – если по причине отпускного сезона и расслабляющей летней жары сами местные поэты-любители проявят недостаточную активность.

«ГДЕ БЫ МЕНЯ НИ СПРОСИЛИ, С ГОРДОСТЬЮ ВЫКРИКНУ Я...»

Саратовский губернатор Петр Столыпин был, как известно, большим поклонником изящной словесности и более всего привечал литераторов, писавших стихи о родном крае. Так что когда Петру Аркадьевичу водрузили памятник в родном городе, жители были неприятно удивлены отсутствием среди аллегорических скульптур, по периметру окружающих постамент, фигуры местного поэта, который сжимал бы в каменной ладони каменную рукопись.

Чтобы хоть отчасти заполнить досадный пробел, МУК «Культурный центр им. П.А. Столыпина» совместно с Управлением по культуре администрации МО «Город Саратов» минувшим летом провели поэтический конкурс «Мои стихи – тебе, мой город». Победителям были гарантированы почетные дипломы вкуче с публикацией стихов.

«Так и представляешь себе, как саратовские стихотворцы, одухотворенные призывом мэрии и взволнованные обещанной наградой, лихорадочно бросятся сочинять (вариант – выкапывать из шкафов) нетленные шедевры на местную тематику», – предсказывали мы, едва только условия конкурса были обнародованы. Теперь,

когда по итогам культмассового мероприятия издан одноименный сборник (КИЦ «Саратов-телефильм» – «Добродея», 2009), стало ясно: ожидания полностью оправдались. В книгу вошли 52 текста 26 авторов – как с членскими билетами разных Союзов писателей, так и без оных.

Впрочем, по ходу чтения книги довольно трудно провести четкую границу между членами и нечленами СП, поскольку такое понятие, как литературное качество, организаторами конкурса изначально вынесено за скобки. Недаром автор предисловия поэт Михаил Муллин сравнивает версификацию с дворовым футболом: мол, раз уж мы не требуем от спортсменов-любителей профессиональной игры (гоняют мячик по полю – и на том спасибо), то «необходимо ценить (ради духовного здоровья) и литературное творчество горожан без постановки неременного условия творить не хуже Фета и Есенина!»

«Где бы меня не спросили, / С гордостью выкрикну я: / «Лучшая область России – / Наша, Саратовская», – пишет один из участников (здесь и далее опустим конкретные фамилии авторов из сострадания к землякам). Тираж сборника невелик, поэтому не будем скупиться на цитаты: «Посмотри на небо, / Посмотри вокруг: / Здесь же так чудесно, / Дорогой мой друг»... «Все

улицы старой застройки / Я счастлив увидеть
и рад. / И эти восходы над Волгой, / И волжский
«немецкий Арбат»... «Брожу по воскресениям
/ По улицам Саратова, / Когда листва осенняя /
Особенно богатая»... «Музеи, храмы и театры.
/ Духовной жизнью мы богаты»... «Музеев
горделивых фонды, / Театров яркие труды
/ И тихий силуэт ротонды, / Грустящий в пол-
ночь у воды»...

Определенно это не Фет и не Есенин: зато
у наших – собственная, отдельно взятая гордость.
В каждом втором стихотворении упоминается
Волга, в каждом третьем – журавли, в каждом
пятом – колосающиеся нивы. Также не обойдены
вниманием саратовская гармошка, консервато-
рия, степные просторы и калач в ассортименте.
И все это, разумеется, – объекты нежного, пыл-
кого и, главное, бескорыстного чувства наших
местных поэтов.

«Важно учесть, что литературное творчес-
тво саратовцев движимо искренней любовью
к своему родному краю, к Саратову. А любовь не
запретишь!» – говорится в том же предисловии
М. Муллина. Да уж, добавим от себя, эту песню
не задушишь, не убьешь. «Люблю я Саратов
и Энгельс родной / И клин журавлиный летит
над горой»... «Переливы от заката / Стынут
где-то над волной, / Полюбила я Саратов –
/ Волжский город мой родной»... «Люблю я здесь

все до асфальтовой лужицы: / Гостиницу, мост и собора наклон»... «Люблю я город свой Саратов, / И цепь огней – сплошь золотых, / Еще – люблю женатого... / И всех прохожих холостых, / И всех, кто из Саратова!» (Впрочем, другой автор уже через несколько книжных страниц, варьируя ту же песенную тему, аккуратно поправит чересчур любвеобильную коллегу: «Забудь, замужняя, меня, женатого. / Печальный свет нам льют вослед огни Саратова»).

И все бы хорошо в нашем городе – и люди, и фонтаны, и памятники, и улицы, – но авторов волнует еще и официальный статус этого богатства. Придуманый экс-губернатором Дмитрием Аяцковым титул Саратова как «столицы Поволжья» и по сей день смущает умы. Кто мы, собственно говоря, такие? «И есть надежда – просветлится / Твой волевой духовный лик, / Вот скоро станешь ты столицей / И будешь царственно велик», – обещает Саратову, благоразумно не вдаваясь в детали, один из авторов сборника. Другой же советует не заноситься в гибельные выси и славить то, что уже и так есть под рукой: «Саратов, хоть и не столица, / Мы смело можем им гордиться». А третий из авторов, вслед за Андреем Вознесенским, находит нашему городу скромную экологическую нишу: «Нет на свете другого такого угла, / Ты забудь, дорогая, сомненья.

/ Есть столицы свинины, кино и угля, / А Саратов – столица сирени».

Цветы – это, конечно, хорошо, но... Превратится ли наш город когда-нибудь заодно и в столицу Здравого Смысла, Хорошего Вкуса, Честных Чиновников, Прочных Дорог? Придет, придет ли времечко? Или мы так и останемся стоять на мосту через Волгу эдаким поэтическим штампом: гармошка в одной руке, калач в другой, взгляд устремлен на журавлей, а в зубах – букетик сирени?

И ПУШКИН – ТАКОЙ МОЛОДОЙ

«О Пушкине еще не все пропето / И сказано о Пушкине не все, / Всегда он неизвестная планета / И неразгаданный столетиями сон» – эти прочувственные корявые строки Виктора Попова из города Петровска смело можно было бы поставить эпиграфом к сборнику «Венок Пушкину» (Саратов: Саратовский писатель, 2009).

Названная книга стала итогом конкурса-турнира самодеятельных поэтов и прозаиков к 210-й пушкинской годовщине. Министерство культуры Саратовской области профинансировало издание; в роли редакторов-составителей оказались два кандидата филологических наук, они же два члена местного отделения СП РФ – Иван Пырков и Владимир Азанов (последний выступил заодно и как корректор).

«Жизнь, пульсирующая в строке, является главным критерием отбора материала», – сообщает в предисловии И. Пырков. А В. Азанов в еще одном предисловии не без гордости добавляет, что «народная тропа к нерукотворному памятнику не только не зарастает, но и постоянно расширяется и удлиняется». Таким образом, настоящий сборник становится еще одним способом

обустройства упомянутой тропы – как если бы губернский минкульт взял на себя смелость заасфальтировать ее и начертить дорожную разметку.

Нетрудно догадаться о том, что по обочине дороги выстроятся в ряд всем известные персонажи: Анна Керн с ее чудным мгновением, роковая Натали, злодейский киллер Дантес, а также кот ученый, дуб зеленый («Лукоморьем и дубом был каждый пленен» – пишет Алевтина Белова из Хвалынска) и Арина Родионовна, обращенная в подобье горьковского Данко: «светит ему огонечком из тьмы / Прекрасное сердце Арины» (Венера Бакаева, Александров Гай).

Для авторов, плененных дубом и подсвеченных Ариной, Пушкин столь велик, что ему можно простить даже негероическую гибель, даже сомнительное нацпроисхождение: «Пусть не за Родину он пал на поле брани, / А на дуэли встретил свой последний час, / Пусть обладал он не российскими корнями...» – снисходит к поэту Светлана Барбье из Энгельса. А Елена Старовойт из Саратова тем временем торопится перейти от слов к делу: «Слова любые – просто пелена, / Пусть даже соткана с большой любовью. / Не проще ль чарку доброго вина / Поднять и выпить за его творенья?» (Судя по рифме, последнее слово должно было быть «здоровье», но кто-то вовремя объяснил автору, что за

здоровье покойников пить вроде бы не положено, и произведена была поспешная замена...)

«Мне другом верным Пушкин стал. / И за столом. Среди знакомых, / Пускай хмельных, но добрых лиц / Всегда узнаю взгляд поэта...» – продолжает алкогольную тему Алексей Овчинников из Аткарска. Похоже, на народной тропе не хватает строгого гаишника: путь от обожания до нетрезвой фамильярности преодолевается с завидной скоростью. «Отбросивши спесь и сомненье теперича, / Помянем мы здесь Александра Сергеича» – пишет Валерий Агапов из Саратова (диплом 1 степени). «Встречай, Александр Сергеич! / Распахнуты дверь и душа. / В твою атмосферу теперичь / Вторгается плавный мой шаг», – вторит Агапову саратовчанка Елена Борзых (удивительную рифму оставим на совести наших стихотворцев).

Превращение «Сергеевича» в панибратского «Сергеича» – только первый этап. «Во сне вас часто вижу: / Вокруг цветы, цветы, / Поговорить пытаюсь / И перейти на «ты», – сообщает Рада Бритвина (с. Владимирское Ровенского р-на). Не успел читатель оглянуться, как сердечное «ты» уже тут как тут: «Ты, Александр, был всегда влюблен...» (Наталья Песчанская, с. Натальин Яр Перелюбского р-на). А можно и еще интимней: «Мой Саша! Мой любимый Пушкин! / Твой образ в мыслях и в душе.

/ Неважно, на какой я службе, / Свободна, замужем уже» (Лидия Крухмалева, с.Сухая Елань Балашовского р-на, поощрительный диплом). Осталось лишь назвать великого поэта Шуриком – что, кстати, и делает еще одна дипломантка конкурса, Эльвира Янмухаметова из Саратова.

«Многие авторы представляют Пушкина не в виде бронзовой статуи на Тверском бульваре в Москве, а самого родного и близкого человека», – объявляет В. Азанов, и с этим, увы, не поспоришь. Степень близости у каждого из авторов своя: кому-то Александр Сергеевич – просто собутыльник, кому-то друг, кому-то брат. «Он – мой отец, а я, возможно, – дочь», – делает открытие Анна Подгорнова (с. Алексеевка Базарно-Карабулакского р-на). «Я Пушкина, как человека / Люблю доверчивой душой. / И, не было б меж нами века, / Могла бы быть я его женой...» – признается Светлана Ермакова (Энгельс). Дальше – больше. «Я честь свою тебе вручу...» (Елена Баринова, Энгельс). «Ох не надо, Саша, Саша, подожди...» (Людмила Азова, Аркадак). Занавес!..

Отвлечемся, однако, от поэтического интима. Есть вещи посерьезнее. Какую партию в нашей стране ни придумай – в итоге получается КПСС, а если возьмешь собирать из деталей швейную машинку – непременно выйдет автомат

Калашникова. Вот так и с Пушкиным. Хотя рецензируемый сборник подобрал произведения авторов самого разного (подчас достаточно юного) возраста, в чертах Александра Сергеевича почему-то упорно проглядывает Владимир Ильич. Едва ли не каждый третий из авторов, например, обращается к настенному портрету поэта – точь-в-точь как Маяковский или Вознесенский обращались к Ленину. Подобно вождю мирового пролетариата с его «Учиться, учиться и учиться», Пушкин со стены провозглашает: «Работайте. Стремитесь к знаниям, / Без этого вам не прожить» (Татьяна Слепова, с. Сосновка Балтайского р-на).

Не забыта и строка из прежнего михалковского гимна («И Ленин великий нам путь озарил»): «И верный указав нам путь...» (Юлия Веденеева, Базарный Карабулак). А помните детсадовское «Когда был Ленин маленький с кудрявой головой»? Вот, пожалуйста, примите: «Твой детский образ с кучерявою головкой...» (Людмила Ильина, Энгельс). «В кудрявой голове одно и то же – / Что день грядущий уготовил мне?» (Иван Попков, Новые Бурасы). А горьковское «прост, как правда» еще не выветрилось из памяти? Нет, не выветрилось! «Словом правды в сердце каждому проник» (Людмила Азова, Аркадак). А «заветам Ленина верны»? Извольте, есть и это: «Впитали мы твои заветы – / Они живут в душе

у нас» (Никита Рубцов, Аткарск). Листая сборник, ждешь с замиранием сердца: вспомнит ли кто-то о маяковском слогане «Ленин жил, Ленин жив...»? Ну а как же! «Пушкин был! Пушкин жив! Будет жить» (Нина Шиняева, Самойловка). И уже ничуть не удивляешься, когда в стихах Александра Дивеева из Ртищево наш Ильич с нашим Сергеевичем сливаются в одну символическую фигуру: «И пусть Каплан, а не Дантес, / Стреляла б слепо в Пушкина...»

Книга преподносится читателю как «сборник репертуара для коллективов художественного слова» – то есть подразумевается, что на пушкинских вечерах и утренниках вместо строк классических будут декламироваться вот эти. Да, согласно Ахматовой, стихи могут расти из любого сора. Однако самая искренняя симпатия к Пушкину не способна превратить в поэзию явные сорняки.

ДУХ ЕДИНОГО ЦЕЛОГО ПРОТИВ ГЕМОРРОЯ

На минувшей неделе в Саратовском госуниверситете состоялась презентация тома под названием «Что есть реальность? Беседа о реальности» (Саратов, ООО «Приволжское издательство», 2009). Пожалуй, из всех книг, посвященных столетию университета, эта производит впечатление, близкое к неизгладимому: внушительный переплет, объем под семьсот страниц, цветные иллюстрации, неординарная тематика («коллективный фрактальный полижанровый сюжет, разыгранный незаурядными представителями саратовской интеллигенции»), да и сам инициатор беседы, кандидат физико-математических наук, доцент Олег Шимельфениг – личность в Саратове известная.

Том открывается взволнованным спичем, из которого приведем лишь небольшой фрагмент (орфографию и пунктуацию сохраняем в неприкосновенности): «Наш Юбилей! – Пусть Время вдаль стремиться! / Пусть Ты почти безус, а Я почти – что сед, / Но вечно юной будет Юности столица – / Саратовский Град-университет! / Да здравствуют Студенты и Профессор! / Да здравствуют Студенты и – пока – Доцент! / И вы, сотрудники всех званий и профессий! / Да здравствует наш университет!» Автор этих строк – выпускник физфака СГУ Вадим Светлаков (не вздумайте спутать с юмористом

из передач «Прожекторперисхилтон» и «Наша Russia» Сергеем Светлаковым!), а некоторый переизбыток пафосных прописных букв заранее готовит читателя книги к сугубой серьезности и Очень Важным Проблемам. Но об этом – чуть ниже.

Вслед за процитированным спичем идет обширное предисловие, из которого, в частности, можно узнать о том, что «нынешний ректор Саратовского университета профессор Леонид Юрьевич Коссович, продолжая традиции лучших руководителей университета, явился инициатором открытия новых направлений и институтов, в значительной степени его усилиями построены и работают новые прекрасные корпуса университета и строятся комфортабельные общежития...» В числе неоспоримых заслуг Леонида Юрьевича особо выделены две: ежегодное проведение «традиционного молебна в домовом храме Саратовского университета» и поддержка организации и проведения семинара «Беседа о реальности», материалы которого, собственно говоря, и легли в основу данной книги.

Судя по аннотации, диспутанты без шуток озабочены глобальными вопросами бытия: в ходе напряженных споров становится, наконец, ясно, что «пока в основу представления о мире не будет положена идея совместного, коммунального,

ответственного «делания реальности» при осознанном соучастии каждого индивидуума, мы будем идти к глобальной катастрофе». Что же делать? Надо «найти пути взаимопонимания и творческого взаимодействия на благо всех народов и культур Земли». Участники дискуссий выражают надежду, что «этот цикл «Бесед о реальности» на факультете философии и психологии СГУ послужит моделью такой деятельности – единственно спасительной для современного человечества».

Если совсем коротко, путь к спасению таков: пока мир задыхается в тенетах иллюзии «объективной реальности», ему грозит беда. Но стоит заменить «статичную» химеру «объективной реальности» на словосочетание типа «межиндивидуальной реальности», как мир будет спасен. Нечто подобное, помнится, происходило в культовом фильме «The Matrix», когда Морфеус предлагал Нео красную таблетку, долженствующую разрушить иллюзорную «реальность».

Понятно, отчего руководство СГУ поддержало это начинание – кому же не хочется поучаствовать в борьбе с Матрицей и спасти мир?

Композиционно книга выстроена по принципу бигмака: дискуссии саратовских ученых перемежаются с многостраничными выдержками из сочинений их коллег – Джорджа Беркли, Ивана Ильина, Альберта Эйнштейна, Алексея Лосева и других. Своим авторитетом упомянутые

коллеги обязаны подпереть рассуждения Олега Шимельфенига и его соратников о «Духе Единого Целого», о приближении к «пониманию Единого Творческого Начала всего Вселенского Действа», о смысле «Космической Игры Творца, который прячется от Самого Себя в Своих же бесчисленных проявлениях». На практике, увы, не все части философского бигмака оказываются равно съедобными.

О том, что ему, похоже, подсунули не ту таблетку, читатель начинает смутно подозревать уже на одиннадцатой странице книги, когда упоминается вдруг рисунок Ильи Репина, с изображением волжского грузчика и провидческой пометкой: «Саратов, 1987. Пятница». И это – не последнее открытие участников бесед.

Мы узнаем, например, что «светское государство есть некий миф» (Олег Шимельфениг). И еще о том, что «человечество возникло на фоне урановых рудников», а дети, «рожденные после 1908 года на широтах падения Тунгусского метеорита», стали «родителями талантливых людей, этих гениальных мутантов, создавших бум прошлого столетия» (Раиса Сорокина). И о духовной практике, счастливо обретенной в обществе мудрого восточного гуру: «Спим мы в горах Тянь-Шаня, ночью. Слышу голос Мирзабая: «Ну, а теперь прыгай!» Я куда-то

лечу, натыкаюсь на Мирзабая, который пошел по нужде, спотыкаюсь о корень, мы летим вниз (видимо, прямо с вершины Тянь-Шаня – Л. Г.), я еле поймала его 120-килограммовую тушу. Перепугалась я страшно, после чего у меня в предгорьях начались одновременно месячные, понос и рвота. И вот я сижу за домиком, рядом вот такие звезды падают, думаю, что надо загадать желание. А желания-то нет...» (Елена Сластихина). Вот вам, пожалуйста, весь кантовский императив в одном флаконе – и звездное небо, и нравственный закон, и еще много всего...

С энтузиазмом встречен рассказ саратовского журналиста Юрия Чернышова – о том, как он однажды ходил босиком по горящим углям безболезненно для пяток. Причем деликатная попытка доцента Бориса Медведева объяснить этот феномен с помощью элементарных аргументов из «Занимательной физики» сурово пресекается ведущим беседы: «Дело не в физике. Есть множество других фокусов, которые не объясняются так примитивно физически». А затем Лилия Солодовниченко добивает приземленного материалиста веским аргументом: «В дацане Гунзечойней в Петербурге, когда приехали высокопоставленные ламы и медитировали, то они поднимались от пола и начинали передвигаться. Я была потрясена, но это явление так просто не объясняется, как и многие

вещи. Это только один потрясающий пример». Против невесомых лам земная университетская физика, конечно же, бессильна – даже нечего и тягаться.

Отныне никакой спорщик не вмешается в ход рассуждений Юрия Чернышова – даже когда журналист произнесет в запале целую речь, отталкиваясь от факта стародавнего полета на шаре подъячего Крякутного. Понятно, что среди диспутантов нет ни историков науки, ни филологов. Но хоть кто-то из присутствующих мог бы, наверное, вспомнить, что и Крякутного, и его шар выдумал известный фальсификатор XIX века Александр Сулакадзев, благополучно разоблаченный еще лет сто назад. И этот мифический воздушный шар ненадолго возник из небытия лишь в пору сталинской «борьбы с низкопоклонством», когда вождь изыскивал собственные «приоритеты» – в пику западным... Впрочем, если, конечно, никакой объективной реальности нет, то и Крякутной взлетел, и Репин дожил до 1987 года, и Тунгусский метеорит породил мутантов, и «ДНК любви» (по мнению все той же Раисы Сорокиной) тоже существует в природе. Не верите, спросите у Матрицы, она знает.

Заглавие книги недаром перекликается с известным вопросом, с каким Понтий Пилат обращался к своему знаменитому гостю. Авторы книги с ответом тоже не затрудняются. В конце

концов, с высот Космических Игр легко по-своему вторгаться в теологические хитросплетения. По словам Олега Шимельфенига, Иисус «попал на этот крест не как последний лох, который за минуту до того не знал, что он там окажется. Ничего подобного. Все это Он прекрасно знал... Это было показательное «шоу»... Колоссальное шоу, которое миллионами отражений пошли по всему миру. Вот такая штука. То же самое было и с Буддой». Въехали, пацаны, в натуре?..

Напоследок приведем еще одну занимательную цитату – опять-таки из выступления организатора, вдохновителя и составителя книги «Что есть реальность?». «Когда мне было где-то около 30 лет, я был в Москве, работал вместе с академиком Павлом Кузьмичем Анохиным... – рассказывает своим подопечным Олег Шимельфениг. – И у меня просто, в конце концов, случился самый настоящий геморрой. Анохин, понятно, предложил мне лучших врачей. Те сказали: «Надо делать операцию». Но одновременно у меня уже были мудрые друзья, связанные с духовными практиками. Они... сказали: «Какие, к черту операции? Нужно просто постоять немножко вверх ногами, не обязательно даже на голове...» Через три недели у меня уже ничего не было. Скоро мне 70 и я забыл про эту историю... Это и есть Игра, настоящая высокая Игра».

Пожалуй, Леонид Коссович, убаюканный комплиментами, проявил благодушие, не вчитавшись в текст. Среди семисот страниц книги притаилась крамола. Ведь стоит лишь три недели постоять вверх ногами – и геморрой как объективная реальность исчезает. А что, если постоять на голове подольше? Полгода? Год? Три? Этак можно усомниться в существовании и самого ректора, и губернатора, и даже страшно вообразить кого еще.

УДУШЕНИЕ В ОБЪЯТЯХ

Одно из значений слова «курс» – «законченный цикл лечебных процедур». Термин «проект» определяется как «план, замысел». Таким образом, смысл названия журнала «Курс. Русский проект» ускользает. Куда плывет журнал? Кого тут лечат? Отчего среди адресатов бесплатной рассылки одновременно оказались саратовский губернатор и посольство Ирана в РФ? Вопросы, вопросы...

Недавний номер открывается памяткой, объясняющей, кого и по каким признакам следует считать русским, а завершается жуткой историей о том, что масоны проникли даже на Кубу. Мы узнаем о том, что подписание с США Договора об СНВ нанесет «ущерб государственному могуществу» России. Заодно обнаружится, что коварный Билл Гейтс, притворяясь меценатом, занимается евгеникой, пытаясь сократить население Земли: истинная цель вакцинации жителей стран Третьего мира – «ослабить людей и сделать их еще более восприимчивыми к болезням и преждевременной смерти».

А еще выясняется, что приверженцы иудаизма осуществляют «продуманную стратегию, направленную на пересмотр основополагающих

положений христианского учения»; и покойный папа Иоанн Павел II, общаясь с иудеями, «открыто нарушил церковный канон». Кстати, знаете ли вы, для чего нужно вернуть в обиход букву «ё»? Для того, чтобы толстовский Лёвин не превращался «в носителя еврейской фамилии Левин»!

Автор статьи о терроризме объявляет, что во всем виновата «низкокачественная» российская элита, причем ее главные прегрешения – «отказ от национальных ценностей», «принятие господствующей на Западе идеологии». И тут Запад нам подгадил...

В общем, с Америкой и евреями всё ясно, а с вредителем Биллом – ясно вдвойне. Но чем не угодил «Курсу» доктор филологии Валерий Прозоров – не еврей и не американец? Почему в канун его юбилея вышла статья С. Дементьевой, написанная в коварном жанре издевательской апологетики? Задача состоит в том, чтобы нарочито превосходными степенями довести весь имеющийся позитив до абсурда, утопив реальные заслуги в цветистых благоглупостях.

Увы, методика работает. Читаем о Прозорове: «без особых усилий он устремляется вглубь события», «очищает события от тенет полуправды, от кокона недосказанности и решительно, не боясь повредить, извлекает их

на свет, словно жемчужину из створок хранящей ее раковины», «чувство юмора Валерия Владимировича настолько всеохватно», «он видит людей насквозь», «в Прозорове ощутим аристократизм»... И т.д., и т.п. Эпитеты крепчают, восторги идут по нарастающей, их градус повышается, от фимиама не продохнуть, и вот уже видный исследователь Гоголя и Щедрина незаметно сам превращается в Гоголя и Щедрина: его инсценировка сказки Андерсена, написанная для филфаковской самодеятельности, возводится до «масштабной драматургии», и сочинение саратовца оказывается «энергетически насыщенной», чем первоисточник Ханса Кристиана...

Еще мгновение – и бренд отделяется от героя, как душа от тела в опытах Кастанеды: «ВВП из СГУ – не просто ФИО. Владелец означенных инициалов суммой своих научных работ превратил инициалы почти в символ филологической успешности». Узнаете контекст, засасывающий героя? Пушкин – «наше всё», Толстой – «матерый человечище», Ленин – «прост, как правда», и он же – «из породы распиливающих, обнажающих суть вещей». Прозорова впихивают в гербарий из засушенных цитат, отводя ученому роль не то Хлестакова, умыкающего лавры у Сенковского и Загоскина, не то Паниковского, который затесался в компанию Гомера и Мильтона.

Чтобы дискредитировать профессора, автор пользуется еще одним проверенным способом: употреблять как можно больше безграмотных выражений, чтобы тень журналистского косноязычия невольно пала на персонажа. Представляю, как страдает тонкая филологическая натура Прозорова от стилистических перлов, рассыпанных по статье о нем! «Безошибочно вслушивается в тайные ритмы текстов мировой классики», «пристальный изучатель», «исчисляющий с тех самых времен свои с ним узы родства», «послевкусие после первого надкусывания некоторых книг», «перечитайте перечисленные качества в совокупности», «и становилось отчетливее, за счет чего профессор филологии способен восхищать».

А как вам такое? «Ученый, одним из первых откомандированный родным вузом в Болонский университет – чтобы впоследствии из уст корифея услышать...» (кто что и от кого должен услышать?). «Холст природного таланта обрамляет багет подобной легкости» (холст обрамляет багет или все-таки багет – холст? И вообще, как говорил герой булгаковской повести, «кто на ком стоял?»). А как выглядит строка из известной песни – «не думай о мгновеньях свысока» или все же «не думай о секундах свысока»? В статье о филологе демонстративно перевернуть популярнейшую цитату – что за злодейский приемчик!

Можно не любить Прозорова, можно скептически относиться к ряду его научных изысканий, но издеваться-то зачем? Зачем унижать его сомнительными дифирамбами от Леонида Коссовича, вынуждая профессора аккуратно отряхиваться от ректорских похвал («Леонид Юрьевич отзывается о моей скромной персоне слишком комплиментарно»). Почему требуется выпячивать до небес невинное «драматургическое» хобби Прозорова? Для чего нужно потешаться над некоторыми чертами характера юбиляра (подчеркивая, например, его нелюбовь к критике или умение «бархатно появляться и исчезать»)?

Валерий Владимирович – не стодолларовая купюра, чтобы всем нравиться. Но зачем, подхихикивая, превращать его в эдакого алжирского дея с шишкой под носом? Зачем низводить бывшего директора Института филологии и журналистики до уровня шварцевского Голого Короля? Зачем? Зачем? Журнал «Курс», дай ответ! Шиш вам: «Курс» не дает ответа.

В ЛАПТЯХ НА ЛЫЖАХ

В далекие времена, когда автор этих строк был первокурсником СГУ, а филологи с историками ютились в одном небольшом здании на главной площади (имени еще Революции), не существовало ни просторного XI корпуса, ни гордо-административного X корпуса, ни памятника Кириллу и Мефодию перед ним. И уж тем более вчерашним школьникам не вручали тогда познавательных буклетов, посвященных вузу. А вот студентам нынешним, представьте, уже вручают.

Как раз молодому поколению СГУ и предназначена тридцатистраничная брошюра «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. Памятка первокурснику» (издательство и тираж не указаны, автор-составитель Н. Ю. Кирьянова). По мере знакомства с этим совместным детищем Управления организации воспитательной работы и Совета студентов и аспирантов СГУ читателем овладевает чувство недоумения, постепенно переходящего в глухую тоску.

Открывается брошюра напутствиями ректора Л. Ю. Коссовича и председателя упомянутого выше Совета М. В. Гудошниковой. «Мы гордимся прошлым и настоящим нашего

университета, дорожим его честью и репутацией», – отважно объявляет ректор. На фоне непрерывных скандалов, сотрясающих СГУ с первых дней воцарения Коссовича, почти уже инопланетные слова о сохранении чести и репутации вуза более всего смахивают на пожелание пить боржом в условиях отвалившейся печени. Когда же предстудсовета вслед за ректором советует студентам «не только поддерживать существующие традиции, но и возродить утерянные», хочется немедленно переадресовать вторую часть фразы предыдущему оратору – уж если и не в качестве руководства к действию (о где ты, печень?), то хотя бы в виде напоминания о существовавших в докоссовические времена таких милых рудиментах университетской демократии, как честные выборы или примат профессионализма над партийностью.

Однако нынешним первокурсникам знать о том необязательно. Пусть их пока согревает пожелание стать через несколько лет «человеком, достойным своего университета». Та еще перспектива, конечно...

Судя по формулировкам, которые встречаются почти на каждой странице брошюры, руководство СГУ считает своих студентов людьми с весьма невысоким интеллектуальным уровнем – или, попросту говоря, дебилами.

Допустим, фраза: «От того, как ты учишься и ведешь себя на занятиях (...), зависит твое будущее» – на кого это откровение рассчитано? На выпускников вспомогательных школ? Или вот еще: «На вопросы, касающиеся определенного предмета, тебе сможет ответить преподаватель» (а мы-то думали – пожарник или охранник!). Или: «Книги, взятые на руки (на дом), также запрещено портить» (а мы-то были уверены, что портить можно!). Или: «Не читая книг, невозможно получить высшее образование» (а мы-то наивно полагали, что для учебы хватит комиксов... и, кстати, как там насчет правильного употребления деепричастий?)

Замечателен также «Кодекс этики». Сперва студентам рекомендуют «уважать память предков» и «активно посещать спортивные объекты», а под конец советуют «проявлять гуманное отношение и уважение к жителям и гостям Саратовского государственного университета». Кто же здесь, интересно, считается «жителем»? Хм. Быть может, имеется в виду сам ректор Леонид Коссович, который, как известно, днюет и ночует в университете? Впрочем, если судить по сопутствующей тексту картинке с изображением плюшевого медвежонка Винни-Пуха и Совы, речь идет, скорее, о тех самых «братьях меньших», которых еще поэт Есенин никогда не бил по голове.

Помимо призыва относиться гуманно к медведям (стоп-стоп! а не намек ли это на символ партии «Единая Россия»?), кодекс также содержит и иные ценные указания: «держат слово», «сдерживать негативные эмоции», «громко не смеяться», «при обращении к другим людям использовать вежливые слова» и т.п. Даже странно, что в этом полезном перечне этических норм не нашлось места пожеланиям «не ковырять в носу», «не стоять под стрелой», «не влезать (убьет!)» и «переходить улицу только на зеленый свет». Налицо явная недоработка, папахивающая тайной диверсией...

Отдельный раздел брошюры отведен рубрике «Наши проекты и дела», среди которых взгляд сразу выхватывает «Чаепитие у ректора». Подробности, увы, остаются за кадром. В самом буклете характер, детали и периодичность встреч не раскрываются, а на официальном интернет-сайте СГУ сказано лишь о том, что выпить чаю с Коссовичем имеет право, оказывается, не всякий, но только «активисты и члены студенческих профкомов». Предусматривает ли формат тех чаепитий также присутствие Алисы, Безумного Шляпника, Мартовского Зайца, Мыши Сони и иных персонажей формата 3D, неизвестно. Пожалуй, единственной живой подробностью одного из прошлогодних чаепитий стало вручение студентами своему ректору

сувенирных лаптей и лыж. Что именно символизировали эти подарки и по какому конкретно адресу должен был отправиться ректор в лаптях и на лыжах, на том же сайте не сообщалось. Может быть, конечно, оно и к лучшему. О некоторых вещах, знаете ли, спокойней не знать...

Вернемся, однако, к буклету. Стилистику его необходимо упомянуть особо. В основном, преобладает здесь тошнотворный канцелярит («стать активным участником студенческой жизни», «научно-исследовательская работа – это неоценимый шанс развития в соответствии с заложенным в тебе интеллектуальным и творческим потенциалом», «работы по созданию инициативных групп по основным направлениям», «вопросов, связанных с организацией медицинского обслуживания и профилактических мероприятий» и т.п.). Но в тех редких случаях, когда издатели, словно спохватившись, решают симитировать стиль «молодежный», результат выглядит еще ужаснее: «В университете нет извергов-преподавателей, которые тараторят лекции, дабы студенты не успели записать и в поисках материала тухли часами в библиотеках!» Употребление «дабы» и «тухли» в одном предложении – это уж за гранью добра и зла. Обращаюсь к главному университетскому филологу: Валерий Владимирович Прозоров,

дорогой, неужто к этому буклету приложили руку ваши выпускники? Дайте каждому из них парабеллум с одним патроном...

Самое интересное, однако, читателей ожидает на последней странице буклета – там, где приводится студенческий гимн «*Gaudeamus igitur*» на латыни и на русском. По загадочной причине из текста испарился куплет, посвященный прекрасному полу. То есть на латыни куплет имеется, а по-русски отсутствует напрочь – нет ни «девушек, ласковых, красивых», нет ни «женщин, нежных, достойных любви, добрых, трудолюбивых!» То ли издателей буклета обурял вдруг мужской шовинизм, то ли сказала элементарная безалаберность – та самая, за которую студентов могут запросто лишить стипендии или вообще выгнать из *alma mater*.

Кстати, из всех существующих ныне переводов гимна выбран самый архаичный, Сергея Соболевского. Неясно, чем пленил издателей вариант, несколько диковатый для современного уха: «Да здравствует университет! / Да здравствуют профессора! / Да здравствует каждый член его, / Да здравствуют все члены. / Да вечно они процветают!» (В других переводах эти «процветающие члены» без ущерба для смысла благополучно заменены «студентами» и «преподавателями»). Возможно, версия Соболевского приведена прежде всего для того, чтобы первокурсники

оценили формулировку XIII века во всей ее первозданности: «Да здравствует и государство,
/ И тот, кто нами правит! / Да здравствует наш
город, / Милость меценатов, / Которые нам здесь
помогают!»

Не правда ли, в старинном тексте что-то слышится родное? Похоже, нынешняя университетская реальность не слишком далеко ушла от средневековой. Или удивительно быстро туда возвращается...

САРАТОВ – РОДИНА СТРАУСОВ

Кто сказал, будто областное Министерство по развитию спорта, физической культуры и туризма ничего полезного не делает? Наоборот: работа кипит, и доказательство тому – глянцево-буклет «Встретимся в Саратове», реальный плод трудов облминистра и его заместителя. Поскольку в выходных данных этого красочного издания иных граждан не значится, будем считать министра и зама авторами и текста, и фотографий.

Главная задача чиновных соавторов – донести до нас чувство законной гордости за родной край, объявить о нашей значимости и неповторимости. Задача эта решается довольно простым способом. Еще в предисловии губернатора Павла Ипатова читателю обещаны «уникальные лечебно-оздоровительные программы», и дальше это раз найденное словечко будет цепляться буквально ко всему, о чем пойдет речь: «уникальная в Поволжском регионе экспозиция военной техники» (о Парке Победы), «уникальные архитектурные памятники» (в Балаково) «уникальный памятник природы и садово-парковой архитектуры» (район Хопра), «уникальный памятник истории» (место приземления Гагарина), «уникальное по самобытности

здание консерватории», «уникальность музея» (Н. Г. Чернышевского). В чем, кстати, уникальность дома-музея Николая-то Гавриловича? А как же! Ведь нигде в мире больше нет точно такого! Только у нас.

По частоте употребляемости с «уникальным» может посоперничать только слово «самый». В Хвалынске – «самые высокие горы Русской равнины», Хопер – «одна из самых красивых рек средней полосы России», Иргиз – «самая извилистая река Европы», наши дрофы – «самые большие в мире летающие птицы», страусы – «самые большие из ныне живущих птиц»... При чем тут, спросите, страусы? Да ведь их разводят в нашей области! Жаль, что авторы буклета не вспомнили крокодилов из личного зоопарка Д. Ф. Аяцкова – наверняка они оказались бы самыми зелеными и самыми зубастыми.

Парад приоритетов между тем продолжается. Через судоходный канал в Балаково «может пройти самый большой волжский корабль» (уже ожидаешь, что этот суперкорабль и построен заодно в Саратове, но увы, про то умалчивается). Да и роман «Что делать?», написанный нашим дорогим земляком, – «самый читаемый роман в России в XIX веке»? (Далеко отставшие по рейтингу Толстой и Достоевский отдыхают). А вам известно, что наше Моховое болото – «самое южное болото на юго-востоке страны»?

То-то же! Помнится, герой иронической песенки Юрия Визбора утверждал, что «даже в области балета мы впереди планеты всей». Нашей губернии, судя по всему, сгодится любое первенство – пусть даже и «в области болота».

«Навсегда наша территория сохранит приоритет увековечивания прорыва человека в космос», – читаем в рубрике «Саратов – дом космонавтики мира». Натужно продираясь сквозь безумную фразу с тремя родительными падежами подряд, читатель может и не заметить мелкого шулерства: стела, установленная на месте приземления Гагарина (ее фото приведено в буклете), – всего лишь уменьшенная копия монумента «Покорителям космоса» на ВДНХ, и воздвигнута у нас она годом позже, чем в Москве).

Авторам буклета мало объявить о том, что Радищевский музей был открыт в 1885 году: им еще надо торжественно прибавить, что сие событие случилось «за 13 лет до открытия Русского музея в Ленинграде». Путем несложных арифметических подсчетов выясняем, что Санкт-Петербург, оказывается, переименовали в Ленинград еще в 1898 году...

В свое время Михаил Жванецкий иронически замечал, что-де «возраст – еще не подвиг». Вот и зря. По мнению наших чиновных авторов, любой лишний год прибавляет авторитета. Если

нашему цирку стукнуло 135, будет объявлено: «Испокон веков (! – Л. Г.) он был неотъемлемой частью и достопримечательностью Саратова». Да и сам наш город – о-о-о-очень древний: «Еще лет за пятьсот до Рождества Христова в Саратове, на месте нынешнего Увека стоял античный город греков». А истоки нашей Волги – те и вовсе теряются где-то в палеозое: «Ее рождение уходит корнями в геологические эпохи, отстоящие, по мнению ученых, на многие сотни миллионов лет» (сомнительную метафору, согласно которой у реки объявились корни, оставим на совести соавторов).

Очевидно, что эпитет «старейший» в тексте будет тоже всплывать с завидной регулярностью. «Саратовская консерватория им. Л. В. Собинова – одна из старейших в России», «один из старейших в Поволжье краеведческий музей» (Хвалынский), «старейший краеведческий музей» (Маркс), «саратовский академический театр драмы – один из старейших и самых прославленных театров нашей страны». Ясно теперь, отчего местные власти так легко удушили театр АТХ? Он ведь возрастом не вышел, какой с него прок?

Впрочем, через пару абзацев вдруг выясняется, что почтенный возраст драмтеатра – как бы вроде и не в зачет: «Последние несколько лет театр пользуется повышенным интересом

зрителей и критиков, так как его творческое лицо стало приобретать новое выражение». Стало быть, прежнее выражение особого интереса у публики не вызывало? К чему же тогда гордиться датой основания?

Похоже, демонстративное почтение авторов к родной старине – не более чем фигура речи. Примером тому служит судьба каменного костела в селе Каменка (на фото – живописные развалины). «По неразумной воле людей и стихий природы костел претерпел значительные разрушения, но и сегодня он поражает всех своим величием», – сообщается в буклете. И вновь корявая стилистика призвана затемнить элементарное: памятник архитектуры XIX века поражал бы еще больше, кабы его элементарно отремонтировали.

Но кто будет вкладываться в развалины? Судя по тому, что шесть последних страниц буклета посвящены санаториям, пансионатам, гостиницам (с указанием адресов и телефонов), а приведенное авторами определение счастья выглядит весьма специфически («счастье – это русская и финская бани, SPA, два плавательных бассейна, солярий, аква-аэробика...»), глянцевого издание не в последнюю очередь предназначено заезжим туристам.

Однако даже заманивать народ в ласковые сети – тоже надо уметь.

К источнику близ Ивантеевки туристов привлекают мутной легендой о подземном пении и «символической могиле неизвестного монаха». «Территория парка полна чудес и тайн, – сообщается о парке «Хвалынский». – Здесь есть пещеры, тайники, клады. Леса овеяны старинными легендами о разбойниках и разбойницах – поволжских амазонках». Иллюстрируют этот таинственный пассаж несколько фото: голова орла, морда верблюда и застенчивый ежик. Может быть, девушка, которая кормит верблюда, – и есть амазонка?

«Одной из достопримечательностей Дьяковского леса (Краснокутский район – Л. Г.) являются родники с кристально чистой ледяной водой, которые расположены в основном на южной опушке лесного массива. Словом, бьет из песчаной земли самая, что ни на есть, целебная вода». Помилуйте, да где же в предыдущих фразах хоть намек на целебные свойства? А если нет, откуда взялось это подытоживающее «словом»?

Вместо того, чтобы заинтересовать потенциальных гостей, авторы буклета могут их, скорее, насторожить. «Гарантируем вам <...> достаточно дружелюбное общение с комарами», – сказано в обращении к будущим путешественникам по реке Хопер, и слово «дружелюбное» почему-то не радуется. Здесь же предлагается

«зачерпнуть и выпить кружку воды живой, а не приправленной химикатами», и «покопаться в остатках древнего городища». Трудно сказать, как отреагирует СЭС на призыв пить прямо из реки, но уж призыв заняться раскопками – без соответствующего на то разрешения – наверняка тянет на уголовную статью...

В стремлении расхвалить малые города нашей области авторы буклета раз за разом демонстрирует один и тот же незамысловатый прием сравнения. Вольск называется «маленьким Петербургом», Балаково – «волжской Венецией», Хвалынский – «волжской Швейцарией». Так и ждешь, что Красноармейск будет назван «волжским Чикаго», а, например, Пугачев – «маленьким Нью-Орлеаном». Саратовская ГЭС, читаем в буклете, «по отделке не уступает даже московскому метро», а Вавилов Дол «по силе своей и святости сравнить <...> можно с Киево-Печерской Лаврой и, даже, с Иерусалимом». Что ж, остается только дожидаться переименования Иерусалима в Старые Васюки – и в нашей губернии вполне можно устраивать межпланетный шахматный турнир.

МУДРЫЙ ВИССАРИОНЫЧ И ЗАЗЫВНЫЕ ОГУРЦЫ

Губернский минкульт презентовал красочный буклет «Основные итоги работы отрасли культуры Саратовской области за 2009 год». В разделе «Взаимодействие с творческими союзами» на странице 25 читаем: «Лауреатом премии «Имперская культура» имени профессора Эдуарда Володина в номинации «Проза» стал саратовский писатель Владимир Масян за повесть «Игра в расшибного»...»

Каким образом и почему появились эти строки в отчете областного культминистерства – настоящая загадка природы, штука по сильнее тунгусского метеорита и лохнесского чудовища. Когда ведомство Владимира Синюкова, рапортуя о достижениях за 2009 год, там же упоминает о награждении писателя М. Меренченко премией имени М. Алексева III степени, это еще понятно. Увы, финансовое бремя той награды несут саратовские налогоплательщики. Но «Имперская культура»? Она-то здесь, извините, с какого бока? Какое она имеет отношение к нашей губернии? Основатель премии Эдуард Володин – он хоть и Володин, но все же не Вячеслав Викторович.

Мысль о том, будто наш облминкульт автоматически записывает себе в актив любое

кем-либо и где-либо премированное произведение, сочиненное саратовцем, мы сразу же отмечаем с негодованием: быть не может, чтобы ведомство с гордым словом «культура» в названии стало бы заниматься элементарными приписками. Тогда в чем же дело? Неужели названная выше «Имперская культура» тайно спонсируется с берегов Волги? В это тоже верится с трудом.

Надеемся, что министр Владимир Синюков очень скоро прояснит ситуацию и рассеет наше недоумение, а пока – в предвкушении ответов из минкультуры – вкратце напомним читателям о том, чем же славны автор-лауреат В. Масян и профессор-учредитель Э. Володин.

Руководитель местного отделения СП России Владимир Масян известен саратовцам не только как неудачливый издательский чиновник (в пору его руководства Приволжским книжным издательством оно совсем захирело) и создатель романа «Мамлюк» (это могучее творение, правда, мало кем читано), но еще и как генератор нетривиальных общественных инициатив. «В саратовских писательских кругах о Масяне ходят легенды, – три года назад сообщала газета «Взгляд». – Поговаривают, что в свое время именно он стал главным инициатором одиозной акции по возведению в Саратове памятника Сталину и лично ходил к Дмитрию Аяцкову, пытаясь убедить его в полезном

влиянии «отца народов» на умы и души жителей губернии».

Озабоченность Масына Сталиным хорошо заметна и в премированной повести «Игра в расшибного» (любой желающий без труда отыщет ее на московском интернет-сайте «Русское воскресение», по адресу: <http://www.vokres.ru/literature/prose/masyan.htm>). Хотя действие происходит в конце 60-х, то есть уже в брежневские времена, Иосиф Виссарионович позитивно упоминается здесь не раз. «Сталин разрешил горячо любимому народу ставить елки и справлять отмененные Лениным и Троцким новогодние торжества». А бывшие фронтовики «всякому недовольному Сталиным могли запросто свернуть скулу». Ясно, что нелюбовь к «вождю и учителю» испытывают только люди ущербные или просто враги. Так что когда ближе к концу повести среди персонажей вдруг, как чертики из табакерки, возникают некие Исаак Самуилович Демин и его гадкая дочка-барахольщица, окрутившая честного секретаря горкома, читателя осеняет: вот же они, супостаты! «Никакой чесночный запах не мог заглушить в Деминском доме устойчивый, настоявшийся дух неотомщенного лишения. Здесь не могли простить Сталину чистки евреев в высших эшелонах власти, а главное – в карательных органах, и надеялись на реванш».

С точки зрения стилистики повесть сделана не просто плохо, а безобразно, на грани самопародии: «мысли их еще оставались отягченными невыученными уроками», «созвучно собственному настроению сочувствуя собаке», «серые брюки в крупную клетку. Казалось, они сами памятовали о себе», и т. п. Повествование буквально рассыпается, когда нарочито «народные» слова в речи автора («взопрел», «завертывает», «мотылялся», «кобыздох», «шабутной», «ноздрястый», «шементом» «промеж себя») соседствуют с лексикой принципиально иного свойства («интуитивно фиксировал в памяти», «аппендикс», «старательно грассируя», «транспортных средств», «в хронологическом порядке», «конъюнктура власти»). Употребив вначале жуткое выражение «общественный опростатель», Масын, к счастью, забывает о нем и в следующий раз пишет без выкрутасов: «общественный туалет». И на том спасибо.

Порой ошибки, допущенные членом Союза писателей, непростительны даже в школьных сочинениях («ступив на подножку «дежурного», на лицах их появлялось подобие мстительной ухмылки», «бассейн, отделанный диким камнем, где плавал подраненный лебедь»...). Редактор здесь и не ночевал, хотя даже опытному редактору было бы не под силу реанимировать этот словесный морг. «Тугие груди ее без лифчика

зазывно метнулись навстречу Котьки», – читаем в повести (орфография авторская), а вскоре появляются «с десяток пупырчатых огурцов, на диво еще крепких и зазывно просящихся на зуб». Что груди, что огурцы – подумаешь, какая разница?

Поначалу автор еще пытается, по мере сил, отвлечься от любимой темы и заполняет страницы трепетными описаниями разнообразных сцен жратвы, но потом все-таки не в силах себя сдержать: объявившиеся в нашем городе «единокровные потомки Бени Крика из Одессы» не дают Масыну покоя, уводя повествование в сторону национальной озабоченности. По воле автора, в финале главный положительный персонаж повести Костя выдает сентенцию: «Семён Яковлевич обыкновенный советский еврей. А жида советскую власть ненавидят». Советской власти давно нет, но... не из-за этих ли фраз, выстраданных автором, повесть и получила заветную премию?

Вопрос далеко не праздный. Человек, имя которого упомянуто в саратовском культурном буклете, Эдуард Федорович Володин (1939 – 2001) при жизни был довольно известен в кругах... как бы это сказать по деликатней... специфических. Доктор философских наук, завкафедрой Московской Высшей партшколы, а позднее член националистического Союза

Михаила Архангела, Володин был одним из идеологов октябрьского путча 1993 года и одним из сочинителей печально знаменитого «Слова к народу». О его профессорской деятельности ныне судить трудно: его публицистику в газете «Завтра» и на интернет-сайте «Русское Воскресение» вряд ли можно было назвать научной. Вдохновитель «Имперской культуры» с издевкой писал о Дмитрие Лихачеве и Андрее Сахарове, называл (да нет – обзывал!) писателя Виктора Астафьева «закаленным во лжи и ненависти старым маразматиком» и «престарелым пачкуном», клеймил прозу писателя Владимира Войновича как «грязную и зловонную», а США именовал не иначе, как «дядюшкой Самуилом». Ну и в организации терактов 11 сентября 2001 года винил он, само собой, евреев.

Понятно, что и среди лауреатов «володинской» премии подобрались деятели, в основном, близкие ему по духу. Немногочисленные литераторы (чьи имена, как правило, широкой публике неведомы) тут сильно разбавлены гражданами иного рода, не имеющими прямого касательства к изящной словесности, – от математика-публициста Игоря Шафаревича, создателя антисемитской «Русофобии», до сербских националистов, обвиняемых в военных преступлениях и геноциде: Радована Караджича, Воислава Шешеля

и Ратко Младича (последнего премировали, в частности, «за мужество и героизм»).

Как видим, заслуженный работник культуры Владимир Масын оказался в очень интересной компании. И оказался, похоже, не случайно, а точнехонько по заслугам. Награда нашла героя и пришлась ему впору. Вероятно, областной минкульт в лице Владимира Синюкова будет и впредь профессионально взаимодействовать с этой многогранной творческой личностью, утешая себя незабвенным сталинским афоризмом: «Других писателей у меня для вас нет».

ЧТО Ж ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?..

Вы будете смеяться, но у нас опять праздник. Еще не утих звон в ушах от фейерверков и аплодисментов в День писателя, а губерния уже с размахом отметила День работника культуры. Облдрамтеатр был полон, текло шампанское рекою и взор туманился слегка. А накануне праздника областной минкульт обнародовал список своих лучших друзей из состава Общественного совета при министерстве.

Среди тех, кто попал в число советчиков министра Владимира Николаевича Синюкова, есть немало уважаемых людей и отличных специалистов: таковы, к примеру, главный редактор Нижне-Волжской студии кинохроники Татьяна Викторовна Зорина, худрук областной филармонии Анатолий Иосифович Катц, актер Александр Григорьевич Галко, художник Анатолий Васильевич Учаев и другие. А вот полпредами текущей словесности в этом длинном перечне оказались два гражданина, которые... гм, ну как бы выразиться помягче...

Хоть и богат русский язык, но и Фемида на страже. Попробуй-ка назови кого-нибудь из соотечественников «одиозным» или «пресловутым», «графоманом» или «пронырой», «лизоблюдом» или «юдофобом» – и тебя немедля потащат

на разборку к мировому судье, предъявляя в свою защиту толстую пачку бумаги с подписями и серьезными печатями: мол, не привлекался, не участвовал, на оккупированной территории не жил, родственников за границей нет, имею награды и премии, всегда голосовал только «за»... В общем, мы благоразумно воздержимся от потенциально опасных словечек.

Итак. От имени всей саратовской словесности в «списке Синюкова» ныне представляют два члена... ой нет, тоже нехорошо: с некоторых пор местное правосудие полагает и это слово обидным, присуждая за его употребление (в любом, даже самом невинном значении) нешуточные штрафы... Короче говоря, в список угодили два обладателя удостоверений местного отделения Союза писателей России – Владимир Васильевич Масын и Николай Егорович Палькин. «Чудеснейшие два! и стоят наших всех», как замечал персонаж комедии А. С. Грибоедова по совершенно другому поводу.

Вам, наверное, уже интересно, с какой целью создавался упомянутый Общественный совет? Причины его появления министр обозначил так: «Сегодня мы чувствуем дефицит профессионального общественного мнения. При министерстве культуры нужен институт, который, не сливаясь с органом управления, вырабатывал бы четкую позицию на актуаль-

ные вопросы культурной политики». Владимир Николаевич, драгоценный наш, какой двоечник пишет Ваши речи? Срочно арестуйте его. Даже с учетом изначальной корявости канцелярского стиля нельзя сказать «позицию на вопросы». Вам как министру следует говорить: «позицию в вопросе». Тоже не фонтан, но хотя бы с согласованием тут все в порядке. Это знает, извините, любой работник прачечной из популярного анекдота.

Если же абстрагироваться от формы высказывания во имя его сути, ничего хорошего тоже не получается. Ведь сразу же хочется узнать: в какой мере минкульт воспользуется «четкой позицией» своего советчика Владимира Масына? Будет ли, например, учтена его идея установки в Саратове памятника Сталину? Станут ли нормой русского языка выражения типа «общественный опростатель», «фигура с волосами», «глаза с пронзительным взглядом»? Привлекут ли к административной ответственности критиков, имеющих наглость не бранить «русофобские» сочинения Джоан Ролинг о Гарри Поттере? Отольются ли в državной минкультовской бронзе четко сформулированные любимым персонажем прозы В. Масына отличия «евреев» от «жидов»?..

Пусть пока министр Синюков подумает над этими вопросами (сразу отвечать не обязательно),

а мы тем временем напомним читателю о втором из его литературных советчиков. Поэт Николай Палькин – старший современник прозаика Масяна. Обоих коллег по перу многое объединяет. Оба – заслуженные работники культуры, оба не так давно агитировали за сталинский монумент, оба еще недавно вдохновлялись в своем творчестве фигурой Дмитрия Федоровича Аяцкова (Палькин сочинил поэму про детство экс-губернатора, Масян размахнулся на роман), оба неплохо вписались и в послеаяцковскую реальность, мигом забыв о своем бывшем благодетеле.

Три года назад Павел Ипатов (которому Николай Палькин достался от прежнего губернатора по наследству – вместе с проблемами ЖКХ, тюзом-долгостроем, премией имени М. Алексеева и ужасными дорогами) говорил о поэте-юбиляре так: «В России литераторам всегда жилось не очень легко, особенно тем, кто еще имел талант, имел принципы. Так, он не ломал себя под конъюнктурные какие-то вещи». Ну конечно же, всю свою жизнь Николай Егорович отстаивал принципы. Какая там, помилуйте, конъюнктура? Все искренне, от чистого сердца, простыми словами. Ну очень-очень-очень простыми.

Сперва Палькин принципиально писал здравицы то к юбилею Октября, то к запуску

очередной ракеты: «Мы в песне славим людей труда / Гори-гори, не гасни советская звезда» (кстати, накал официоза в этом тексте был так велик, что в наши дни стихи стали выглядеть почти пародийными – недаром Егор Летов даже взял их для своего соцартовского альбома). Затем Палькин столь же принципиально вымарывал Октябрь из своих сочинений, загоня в тень слово «партия» и внедряя Бога прямо-таки квадратно-гнездовым методом. Как человек, чья витальность в разы превосходит его поэтический талант, Палькин всегда был при власти, даже когда не занимал никаких официальных должностей. Он всем был лоялен – тем и ценен. От другого витринного символа Саратовщины, калача, Николай Егорович отличался лишь тем, что калач, даже позавчерашний, все-таки был съедобным, а стихи Палькина, даже самые актуальные, уже в момент их появления на свет оказывались немногим питательнее пенопласта. «Саратов мой, Саратов мой, / Люблю тебя я всей душой»... «Мои идеи и закуски / Попахивают стариной»... «Мне и сегодня смех любой доярки / Милей, чем смех московских поэтесс»...

Было время – наш поэт восхищался трилогией Брежнева, было время – яростно клеймил джинсы и «распоясавшуюся печать», было время – посвящал прочувственные строки

вице-губернатору Владимиру Марону. Раньше Николай Егорович считался обкомовской креатурой, потом стал губернаторским любимцем. Раньше издавался на средства КПСС, затем на деньги местных налогоплательщиков. Около года назад, когда многие саратовцы удивлялись внезапному перемещению милицейского генерала Синюкова в культурное министерство и предсказуемо язвили насчет «фельдфебеля и вольтеров», Палькин без малейших колебаний одобрил назначение, сообщив в интервью, что Владимир Николаевич – «человек высокой административной культуры». Ее, надо думать, новый министр и проявил, призвав восьмидесятитрехлетнего ветерана «для работы приоритетных направлений политики» в подведомственной ему сфере. Теперь-то музы в надежных руках профессионала с большим стажем...

Прочитав эти заметки, кто-нибудь, возможно, посетует на мелкотемье. Подумаешь, автору не нравятся двое культурных советчиков! Пусть даже для нелюбви к ним у автора есть все основания, стоит ли, мол, овчинка выделки? Если учесть, что Общественный совет состоит аж из девятнадцати человек, сделают ли погоду эти двое? Ответим на это словами самого Владимира Синюкова: «Культура – наиболее публичная, социально резонирующая сфера общественных

отношений». С этим не поспоришь. Вашими, Владимир Николаевич, предшественниками на министерском посту были музыканты, а уж они-то отлично знали: срезонировать может так, что мало не покажется. Даже если в оркестре всего два инструмента пойдут вразнос, всей музыке конец...

Или, если уж изъясняться совсем по-простому, вспомните народную мудрость насчет бочки меда и ложки дегтя.

КАРТА В РУКАВЕ

Оказывается, карты бывают не только географическими, игральными, кредитными или медицинскими: нашим землякам, к примеру, на днях привалило счастье в виде «Литературной карты Саратовского края» – трехсотстраничной желто-зеленой книги, выпущенной в серии «Библиотека АСП» (составители А. Амосин и В. Вардугин).

Итак, жили-были Кирилл и Мефодий. В один прекрасный день эти скромные святые изобрели славянскую письменность, не подозревая о том, что попутно изобрели еще и статью расхода для бюджета Саратовской губернии... Жило-было саратовское губернское начальство, которое при одном упоминании о Кирилле с Мефодием ощутило вдруг такой душевный подъем, что решило вести себя по примеру бывшего предводителя дворянства Кисы Воробьянинова в обществе девушки Лизы – то есть шиковать по полной, не считая копеек... Жила-была Ассоциация Саратовских Писателей, для которой удалой разгул губернской власти оказался весьма кстати, поскольку все свои стишки о босоногом деревенском детстве были уже изданы, все свежеизобретенные совписовские цацки (имени старика Державина, имени вечно молодого

Грибоедова, имени Чехова и даже имени Самуила – прости, Господи, душу писателя-патриота! – Яковлевича Маршака) были развешаны по лацканам, и теперь оставалось поведать миру о себе, любимых, подыскав достойную оправу к бриллианту: чтобы твердый переплет и золотое тиснение снаружи, белая бумага и цветные вклейки внутри, плюс много букв.

«Строки их поэм и стихотворений дышат речной прохладой... Герои рассказов писателя – люди крепкие физически и чистые душевно... В произведениях, написанных за рубежом (...), мысли писателя неизменно устремляются к Родине... Поэзия Ступина 1990-х и начала XXI века насыщена образами и лексикой запредельности существования человека...» Нет, к самим буквам внутри «Литературной карты Саратовского края» претензий, разумеется, быть не может: святые Кирилл и Мефодий постарались на совесть. А вот слова, из букв составленные... Гм. Однако все по порядку.

Первый раздел книги, «Имя на книжной полке», имеет подзаголовок: «Писатели прошлых лет – уроженцы земли саратовской». Понятие «прошлых лет» составители трактуют довольно широко. Сюда отнесены и забытый беллетрист Степан Аникин, ушедший из жизни в 1919 году, и поэт-песенник Юрий Дружков, которого

не стало в 2006-м. Грубо говоря, в первый раздел попали разнокалиберные покойники, объединенные фактором местной прописки. Там где составители честно передрали, сильно ужимая, словарные статьи из уже имеющихся российских справочников, вышло еще так-сяк. Но едва составители проявляли художественную самодеятельность, начинали происходить удивительные вещи: вместо трафаретного «Родился там-то и тогда-то», словарная статья могла вдруг начаться с фразы «Неисповедимы пути Господни!» (об А. Будищеве), а едва ли не главной заслугой А. Папшева оказывалось то, что краевед «раскрыл значение герба г. Саратова: три стерлядки образуют букву греческого алфавита Υ – ипсилон, графическое изображение выбора двух дорог: пути добродетели и пути порока» (интересно, по какой именно из дорог мы двинулись?).

Во втором разделе, «На второй родине» (то есть «Писатели прошлых лет – уроженцы других регионов»), очутились уже те, кому не посчастливилось появиться на свет на благословенных волжских берегах, то есть, проще говоря, покойники-гастарбайтеры. Тут составители подзапутались. Неясно, например, отчего советский прозаик Федор Гладков (родившийся в селе Чернавка Саратовской губернии, ныне – Пензенская область) угодил во второй

раздел – в то время как советский прозаик Федор Панферов (родившийся в селе Павловка Саратовской губернии, ныне – Ульяновская область) пребывает в первом. Чем «Цемент» одного хуже «Брусков» другого? В справочнике, однако, есть и более клинический случай: краеведов Алексеев Алексеевичей Луниных оказалось сразу два, как булгаковских Кальсоновых из «Дьяволиады». Один Лунин, чистый наш земляк, расположился в первом разделе (с.50), другой – видимо, приезжий, но с биографией, повторяющей первую слово в слово, – еще и во втором разделе, на страницах 127 – 128.

Дальше структура справочника вдруг ломается. В разделе «Эпизод в судьбе» (то есть «Писатели, посещавшие саратовский край») всего две собственно словарные статьи: одна посвящена Эдуарду Лимонову, сидевшему в местной колонии, вторая – адвокату Сергею Беляку, который Лимонова же и защищал, «параллельно выступая в печати в жанре судебной публицистики». Остальную часть раздела составляют крупные публикации, отчасти более-менее вменяемые (скажем, о саратовском периоде жизни Михаила Булгакова), отчасти откровенно безумные (например, о «саратовских страницах романа А. С. Пушкина «Евгения Онегина» – все того же А. Папшева, который ранее уже разгадал стерляжьую тайну буквы «ипсилон»).

Впрочем, предшествующие разделы должны лишь оттенить заключительную часть книги – «Слуга слога» («Писатели саратовского края наших дней»), ради которой высокобюджетный проект и затевался. В число «слуг», удостоенных персональной статьи, попали, разумеется, все члены АСП. Что же до прочих литераторов, то проявлена была трогательная избирательность, о методике которой простодушно поведал на презентации книги в областной библиотеке глава Ассоциации А. Амусин: «Есть писатели, у которых десятки книг, а они писателями не являются... я знаю много литераторов, членов союза писателей, у них выходят книги, фильмы, сценарии, а они на самом деле бездари». И раз так, их просто нет в природе – и точка, а право отделить чистых от нечистых принадлежит составителям. Таким образом, в справочнике вообще не оказалось, например, поэтов Олега Рогова и Алексея Александрова, прозаиков Николая Якушева и Валерия Володина, литературоведа Виктора Селезнева или, допустим, известного на всю страну переводчика Вадима Михайлина (при том, что девушка А. Хрусталева – член АСП с единственной переведенной книгой – в справочнике, разумеется, героически присутствует).

Зато в справочнике есть, например, некто Евгений Запяткин, литературный псевдоним

Зевс (знаете такого? не древнегреческого бога, а современного поэта). Или некто Анатолий Комиссаренко («достаточно известен на литературных сайтах интернета», автор «рассказов о животных, о СПИДе и наркомании, деревенских и фантастических рассказов»). Или некто Петр Круть («не просто рисует портреты современников и описывает их судьбы, а постоянно находится в поиске сильных, рельефных, и, в некоторой степени, неоднозначных характеров»). Автор десятков книг, переведенных на многие языки, наш земляк Алексей Слаповский представлен тремя строками в примечаниях, зато подробной статьей осчастливлен член АСП некто Евгений Витальевич Голубь, у которого книг нет, зато имеется важная заслуга перед русской словесностью: «На протяжении последних 15-ти лет он рассказывал об интересных малоизвестных фактах из личной жизни Ф. М. Достоевского, Д. В. Давыдова, А. К. Толстого, многих других известных писателей, поэтов и других именитых земляков». «Других»? Батюшки, выходит, Федор Михайлович с Алексеем Константиновичем – тоже из Саратова? Как же их забыли?..

Но довольно примеров. Никакой, даже самой большой, рецензии не хватит, чтобы запечатлеть все казусы и ляпы этой книги. Боюсь, даже щедрые спонсоры издания (среди которых, в частности, упомянуты губернатор Павел

Ипатов и зампред областного правительства Александр Стрелюхин) едва ли предполагали, что деньги будут растрочены таким образом. Какой там, к черту, профессионализм, если составители ухитрились даже походя перевернуть хрестоматийную строку Пушкина («племя младое, неизвестное» – вместо «племени младого, незнакомого»). Пожалуй, пушкинская графиня могла бы запросто уморить Германна, если бы подсунула ему вместо пиковой дамы «Литературную карту Саратовского края». А уж если бы Христофор Колумб по этой «Лит-карте», упаси Боже, плыл, он смог бы открыть не Америку и даже не Индию, а, в лучшем случае, – захудалую пельменную.

ГОМЕР, МИЛЬТОН И АМУСИН

Ранее мы уже рассказывали о «Литературной карте Саратовского края» (серия «Библиотека АСП», составители Александр Амусин и Владимир Вардугин). Судя по выходным данным этой книги, она была выпущена под патронатом губернатора Павла Ипатова; иными словами, к щедрым пожертвованиям меценатов присовокупились и деньги налогоплательщиков. И все эти немалые средства ухнули практически в никуда. То, что могло бы стать хорошей визитной карточкой нашей губернии, стало анекдотом, поразив даже издавших виды наблюдателей гремучей смесью амбициозности и непрофессионализма авторов-составителей книги.

Вместо беспристрастной картины всего нашего литературного ландшафта читателю был явлен плод неутоленного тщеславия Ассоциации саратовских писателей (АСП) – одной-единственной группы, которая сегодня может похвастать не столько творческими успехами, сколько покровительством Наталии Ипатовой. «Я считаю, что супруга саратовского губернатора делает большую ошибку, публично поддерживая лишь ассоциацию Амусина», – пишет в столичном еженедельнике «Литературная

Россия» его главный редактор Вячеслав Огрызко. Трудно с этим не согласиться.

Обсуждение «Литературной карты» вышло за рамки одной газетной публикации. В дискуссию включились завсегдатаи интернетовского «Живого Журнала» (особенно много комментариев в блогах Алексея Александрова и Алексея Слаповского), саратовские и московские журналисты, а также просто неравнодушные читатели. «Я, например, так и не понял, почему в разделы «На второй родине» и «Эпизод в судьбе» не попал великий пушкинист Ю. Оксман и поэт, чьи стихи ценила Ахматова, – Елена Тагер, – пишет в своей статье уже упомянутый В. Огрызко. – Никто мне так и не объяснил, чем не понравилась авторам карты молодой критик Марта Антоничева. Это то, что я увидел при первом, беглом знакомстве со справочником». На интернет-форумах и в частных беседах назывались и другие имена, оставшиеся за бортом справочника: Евгений Заугаров, Евгений Малякин, Светлана Покровская, Сергей Рыженков, Михаил Богатов, Вера Афанасьева, Владимир Горбачев, Алексей Колобродов, Ксения Степаныхева... Список этот можно продолжать и далее.

Известного журналиста Александра Крутова, например, удивило отсутствие в книге даже упоминания о писателе-фронтовике Александре

Вольфе, авторе выходявших в Привожском издательстве книг «В чужой стране», «Дремучие Бескиды», «Крушение Кернверка», «И встал солдат убитый...». Крутов же обратил внимание и на то, что статью, посвященную литературоведу Константину Шилову, иллюстрирует фотография совсем другого человека, к словесности никакого отношения не имеющего. Даже самые лояльные к АСП журналисты (вроде обозревателя сайта «Саратов-информ» Б. Глубокова) вынуждены были признать, что последний, современный раздел справочника не может не вызвать нареканий. Тут волюнтаризм Амузина и компании уже ничем не ограничивался.

До сих пор остается загадкой: что в писательском справочнике делает учредитель «Земского обозрения» Игорь Сухарев, автор нескольких газетных публицистических статей? Насколько весомы литературные заслуги главного саратовского композитора Евгения Бикташева? Чем именно прославилась живущая в Саратове с 2006 года Вера Юрьевна Агафонова? (В статье скромно говорится: «публиковалась в литературных изданиях»). Почему наш Александр Динес, ведущий замечательной литературной телеигры «Маркизы», вдруг назван прозаиком? (Я не поленился уточнить у самого Александра Александровича: нет, прозу он никогда не публиковал, да и не писал). Отчего в обширном

тексте, посвященном Олегу Табакову (по размеру статья о нем в полтора раза больше, чем статья о Н. Г. Чернышевском), собственно литературе посвящен всего один некрупный абзац? Составители назвали лишь «Белоснежку», написанную им вместе со Львом Устиновым, и напрочь позабыли автобиографическую книгу «Моя настоящая жизнь», написанную Табаковым в соавторстве с Анатолием Смелянским...

Одновременно с «Литературной картой» Ассоциация саратовских писателей презентовала публике еще один том: трехтысячным тиражом вышла крупноформатная шестисотпятидесятистраничная хрестоматия «На главной улице России. Произведения о Саратовском крае саратовских литераторов XIX – XXI веков для уроков литературы, истории и краеведения» (редакторы-составители – члены АСП Михаил Каришнев-Лубоцкий, Елизавета Данилова-Мартынова и все тот же Владимир Вардугин; в редакционном совете – опять-таки Александр Амусин плюс Наталия Ипатова). «Вот к этой хрестоматии у меня действительно возникло очень и очень много вопросов», – пишет В. Огрызко в уже цитированной статье. Вопросы к названной хрестоматии, надо признать, есть и у нас.

Уже подзаголовок изрядно мистифицирует читателя. Определение «саратовский литера-

тор» едва ли подходит даже для включенных в книгу Константина Федина с Николаем Чернышевским (вся их творческая биография протекала вдали от Саратова) и уж совсем не годится для Алексея Толстого или Александра Радищева. И «Граф Калиостро», и «Путешествие из Петербурга в Москву» решительно никакого отношения к нашему краю не имеют. Если, конечно, не предположить, что граф-авантюрист фокусничал где-нибудь в Перелюбе или в Озинках, а Радищев, желая сделать приятное составителям хрестоматии, по пути из одной столицы в другую сделал крюк и заехал на Саратовщину, но ради конспирации ничего о ней в «Путешествии...» не написал.

Особенно не повезло поэту Михаилу Кузмину. Мало того, что его фамилия в хрестоматии пишется то правильно, то неправильно (в статье А. Хрустальной у Кузмина в фамилии возникает и пропадает мягкий знак), мало того, что на колонтитуле Михаил превращается в Алексея, так и похоронить его составители умудряются в Петербурге – при том, что в 1936-м город вот уже двенадцать лет был переименован в Ленинград (в «Литературной карте» город, кстати, указан верно; знает ли правая рука, что творит левая?).

Главная беда книги, однако, в другом: ее составители – как верно заметил рецензент

газеты «Саратовские вести» – нарушили неписаное правило: не включать «себя, любимых». В хрестоматию (да еще рекомендованную для уроков литературы!) должны входить произведения, уже проверенные временем, а не написанные только что, на скорую руку. Стремление напечататься в одном томе с классиками сродни хлестаковскому «с Пушкиным на дружеской ноге» или Остап-бендеровскому списку «Гомер, Мильтон и Паниковский». Сумеют ли потягаться В. Вардугин с Львом Кассилем, а Е. Данилова-Мартынова – с Велемиром Хлебниковым?..

Кстати, выступая на презентации книги в областной библиотеке, А. Амусин похвалил себя за душевную широту: дескать, он включил в хрестоматию даже тех, кому не подает руки. Интересно, о ком идет речь? Вряд ли глава АСП не подает руки членам руководимой им Ассоциации – Е. Грачеву, М. Муллину, М. Каришневу-Лубоцкому, Н. Куракину, В. Вардугину, В. Агафоновой (все они, как и сам А. Амусин, в книге присутствуют). Другое дело, что многие покойные авторы, включенные в книгу, будь они живы, возможно, сами не пожелали бы подавать руку кому-нибудь из составителей. А то ведь, пожалуй, и поколотили бы их в сердцах – за самоуправство, лень и халтуру.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АТЛАНТИДЫ

Хотя третье тысячелетие только началось, его предварительные итоги кое-кем уже подведены. На днях местные СМИ разнесли ошеломительную новость о том, что бывший член Общественной палаты, председатель Ассоциации Саратовских Писателей (АСП) Александр Амусин объявлен Лучшим Автором наступившего тысячелетия. То есть не он один, конечно: таких счастливцев в России и зарубежье (ближнем и дальнем) чуть более полусотни.

В начале списка «лучших-3000» оказались актер Михаил Ножкин (создатель незабвенного «а на кладбище все спокойненько, и закусочка на бугорке») и поэт Евгений Евтушенко – бесспорная литературная величина, ныне живущая в США. Думаю, Евгения Александровича порадует, что с ним тут соседствуют такие крупные писатели, как певец Николай Сличенко, дрессировщик Юрий Куклачев (тот самый, с кошками) и актер Никита Джигурда, олауреаченный «за высокий уровень поэзии» и отмеченный премией «за глубокий философский смысл и высокую гражданскую позицию лирической песни» (если бы заодно оценили и широкую натуру Джигурды, то все три измерения – высота, глубина и ширина – были бы представлены самым исчерпывающим образом).

Наш Александр Амусин занимает в перечне счастливых почетную двадцатую позицию. «Глаза, утлые, беспомощные, испуганно мечущиеся по ее лицу и рукам», «случайно обронила взгляд на лицо девушки, точнее на ее надменную ухмылку», «тоскливое ожидание беды полосовало его израненную последними событиями душу», «ярость, подоженная гордыней, не только обожгла ее тело, а раскаленным жалом вспыхнула на кончиках ногтей», «носик соревнуется в изяществе с гвоздиком, уши с соплями», «капельные слезки горящим колье повисли на щеках», «увидев Павла, мрачные лица ожидающих просветлели»... Разумеется, эти амусинские перлы, уже знакомые саратовским читателям, не могли не обеспечить их автору награду «за высокий уровень прозы» и прочное место в общем списке властителей дум.

С каждой новой позицией список Выдающихся Писателей становится все более интригующим. Медийные имена исчезают, настает черед полужнакомцев, потом незнакомцев. Лишь при помощи Интернета и подробнейшего двухтомного справочника Сергея Чуприна кое-как удастся опознать еще нескольких гениев Третьего тысячелетия.

Вот зампред исполкома МСПС Владимир Бояринов, отмеченный «за высокий уровень

детской поэзии» (не откажу себе в удовольствии процитировать мой любимый стишок: «В Абиссинии люди разные:/ Морды синие, ж..пы красные./ А Россия – не Абиссиния:/ Морды красные, ж..пы синие»). Вот писатель Владимир Силкин, член-корреспондент Международной Академии Духовного Единства Народов Мира, начальник Военно-художественной студии писателей, автор книг «Чувство долга» (М., Воениздат, 1990) и «Спелые ветры» (М., «Стольный град», 2000), удостоенный высокого звания «за высокую гражданскую позицию в творчестве».

Здесь же доцент Александр Торопцев («работал токарем на хлебзаводе, сторожем в магазине, преподавателем истории и основ философии в Академии хорового искусства, редактором отдела в журнале для слепых»); автор двухтомника «1000 великих битв» награжден «за высокий уровень прозы». Рядом – поэт Александр Петров, автор книги «Вкус зари» (премирован «за высокий уровень поэзии»), фантаст Игорь Гетманский, автор «Звездного наследника» и «Голограммы силы» (отмечен «за высокую литературную грамотность») и детективщик Николай Стародымов, создатель шедевров «Смертный приговор», «Киднеппинг по-русски», «Кровь с души не смывается», «Гений смерти», «Убить, чтобы выжить» (этот мастер

слова награжден «за высокую гражданскую позицию в творчестве»).

Прочих лауреатов, к сожалению, идентифицировать не удалось. К примеру, ничего не можем сказать о творчестве Марины Медведевой, Александра Гами (этих двух тоже отметили «за высокую гражданскую позицию»), о прозаике Владимире Ануфриеве («за высокий уровень прозы»), поэте Сергее Матросове («за высокий уровень поэзии»), репортере Стэлле Ключевой («за высокий уровень репортажей»), миниатюристе Петре Драйшпице («за высокий уровень короткой новеллы»). А еще есть некто Николай Культияпов в совсем уж удивительной номинации – «за высокий уровень знания техники (! – Л. Г.) русского языка».

Ясно, что список этот – достойный залп с корабля современности по обветшалым древнотам классики. Ну кто блистал в предыдущем тысячелетии? Ну Шекспир. Ну Гете. Ну Лев Толстой. Разумеется, они отжили свое. В третьем тысячелетии им на смену пришли Никита Джигурда, Александр Амусин и сам Николай Культияпов! Музыка, туш!

Вы спросите, кто, собственно раздает высокие звания? Это – внимание – учредитель Национальной Литературной Премии «Золотое перо Руси» («ЗПР») и член жюри той же Премии Светлана Савицкая (не космонавт). Она

тоже попала в перечень великих «за высокое художественное мастерство», а до этого сама получила собственное же «Золотое перо Руси» («за чтение авторских сказок и авторской песни к ним из серии «Звезды в соломенной шляпе»). А еще эта милая дама раздает писателям «Специальные дипломы Светланы Савицкой» и редактирует Общероссийскую независимую газету «Молодёжь Московии», где публикует собственные сочинения (вашего обозревателя глубоко тронула ее «документальная история» под названием «Новогодние приключения мочи на Соколиной горе»).

На своем сайте госпожа Савицкая извещает о том, что конкурс соискателей «ЗПР» стал «не только одним из самых популярных, но справедливо признан элитарным среди писателей русскоязычного мира (кем признан? – Л. Г.). Оргкомитет конкурса по праву считается венцом содружества писательских и творческих союзов планеты (а почему не Вселенной? – Л. Г.). В современной России, впервые (ух! – Л. Г.) за многовековую (ох! – Л. Г.) историю русской литературы, учреждена единственная (эх! – Л. Г.) литературная премия, которой награждаются литераторы, независимо от их места жительства и гражданства, создающие произведения на русском языке (организаторы «Русского Букера», «Большой книги» и «Нацбеста»

нервно курят. – Л. Г.). Премия выдается не за наличие проектов, ничего общего не имеющих со словом (ой! – Л. Г.) «высокая литература», а за сохранение лучших русских литературных традиций, за истинный талант и творческие способности» (и «Голограмма силы», и «Киднеппинг по-русски» созданы в лучших русских традициях, о да! – Л. Г.).

Лауреаты, кстати, получают зримое доказательство собственной значимости: «Предприятие «Диалог-Конверсия» для них специально подготовило золотые перья жар-птицы, держащие именные медали на белых мраморных постаментах с золотой надписью «Лучшему автору нового тысячелетия»...» Вот оно как! Перья жар-птицы держат медали на белом мраморе! У Пушкина, Лермонтова или, допустим, Бальзака были такие перья? А вот у Амусина с Кульдяповым будут! Уж спонсоры, надо думать, расстараятся и не поскупятся.

Немного о спонсорах. Если верить сайту «ЗПР», среди их спонсоров – не только такие финансовые гиганты как ООО «Ляпко» (Украина г. Донецк) и Международный союз писателей «Новый современник» (г. Рязань), но и московская городская организация СП РФ (лауреат Бояринов как раз оттуда), Военно-художественная студия писателей, г. Москва (лауреат Торопцев, кстати, оттуда), «Русские линки в Германии»

оперного певца А. Гами», г. Бремен, Германия (лауреат Гами – тоже в списке) и... Ассоциация Саратовских Писателей, руководимая лауреатом Амусиным!

Ну надо же! Еще не так давно заместитель Амусина по АСП плакался в жилетку: мол, «организация наша некоммерческая, и за все время существования ни копейки из федерального бюджета мы не получили и не потратили». Как же наши не-коммерсанты из АСП ухитрилась спонсировать недешевое мероприятие? Откуда дровишки? Из губернского бюджета? Из муниципального? Быть может, они просто шли по улице и нашли чемодан с деньгами? Или так: нырнули на дно океана и вынырнули с сундуком золота? Разве такого не бывает? Легко поверить в чудеса, когда в списке спонсоров значится и Русское общество по изучению проблем Атлантиды (РОИПА)...

Еще немного о чудесах. На том же интернет-сайте www.zreogusi.ru вывешен список жюри «ЗПР». В его составе – уже знакомые имена и фамилии лучших авторов Третьего тысячелетия: Светлана Савицкая (не космонавт!), Александр Торопцев, Владимир Силкин, Марина Медведева, Никита Джигурда, Александр Петров и... угадали: все тот же Александр Амусин! Сам награждает, сам спонсирует, сам лауреат. Даже странно, что не Амусин позировал для

Золотого Пера и не он стал автором Гимна Премии («В мире разных наречий много: / Стоязыко мир голосит. / Но кому-то дано от Бога / Золотое перо Руси»). Впрочем, у Александра Борисовича миссия поважнее. Раз, согласно Гимну, «ЗПР» дано от Бога, а Амусин – член жюри «ЗПР», то наш земляк автоматически становится проводником Божьей воли. Ну или заместником Бога на Земле – как кому нравится...

А теперь – шутки в сторону. Поскольку мы живем в условиях относительной свободы творческого жеста, любой желающий может объявить себя хоть Солнцем Русской Поэзии, хоть вице-королем Индии, хоть Президентом Галактики; если при этом он не обругает начальство и ухитрится никого не искушать, то, скорее всего, люди в белых халатах за ним и не явятся. Бывший сторож, а ныне доцент решил сделать приятное знаменитому дрессировщику кошек? Не возбраняется! Автор рассказа «Новогодние приключения мочи» желает раздать писателям дипломы имени себя, любимой? Да пожалуйста! Общество по изучению Атлантиды заинтересовалось Александром Амусиным? Флаг им всем в руки, имеют право!

С юридической точки зрения вся описанная выше премиальная круговерть вполне законна (ну или почти законна). Если надписи на значках, медальках, жетонах и пр. не нарушают

Конституции и не задевают чужих авторских прав, то всякий, у кого хватит денег, может заказать любой из сувениров, назвать его «Золотым пером», «Золотым стилем» или «Золотым помелом» – чтобы затем в торжественной обстановке присудить премию жене, теще или любимому начальнику. Всякий, у кого хватит совести, может даже разместить на аверсе и реверсе медалек-новоделов портреты и фамилии классиков: мертвые, как известно, беззащитны.

Проблема, как представляется, в другом. Все эти игрища безобидны только до тех пор, пока они проходят на площадках, оплаченных самими игроками. Однако российская практика показывает, что аппетит приходит во время еды. Граждане, назначающие друг друга гениями, в какой-то момент принимают свои побрякушки за награды, а коллективные галлюцинации – за реальность, воображая, будто их фантазмы должны оплачиваться из карманов налогоплательщиков.

«Конкурс призван выявить лучшие литературно-художественные и публицистические произведения литераторов, содействовать их популяризации, выпуску их книг, сохранению литературного национального достояния России», – читаем на сайте того же «ЗПР». А что конкретно значит «содействовать»? Издавать их всех за свои кровные? Отнюдь: «По просьбе

авторов по электронному адресу было отправлено 54 рекомендации главам городов для выделения средств на издание книг победителей нашего конкурса».

Понимаете, да? В бюджете каждого населенного пункта имеется графа «культура», деньги необходимо осваивать, а чиновникам, собственно, по барабану, тратить эти деньги на покупку книг Пушкина или на очередные «Спелые ветра» или «Вкус зари».

Признаемся честно: люди, которые нами руководят, в массе своей культурно девственны. Если уж вальжный милицейский генерал, поставленный на страже изящных искусств, не видит разницы между Михаилом Алексеевым и Алексеем Слаповским (оба земляки, ну и чудненько), то что говорить о прочих людях власти? Уже не первый год журналисты из «Газеты недели в Саратове» проводят опрос, пытаясь выяснить художественные пристрастия чиновного люда. Результат печален: классику кое-кто еще помнит со школы, а с современной российской словесностью не знаком почти никто. Вот традиционные ответы: «в основном читаю техническую литературу, потому что нет возможности посвящать много времени художественной», «художественные книги читать удается все меньше и меньше», «современные

авторы как-то не прельщают», «читаю статьи в Интернете и российское законодательство», «из литературы выбираю все, что связано с экономикой», «по долгу службы приходится читать много профессиональных текстов...»

А теперь вообразите, что в кабинет Большого Губернского (вариант: Большого Муниципального) Начальника входит некто, весь обвешанный блестящими значками и медальками с классическими профилями. Визитер водружает на начальственный стол Зол.перо на мраморном постаменте, объявляет себя национальным достоянием и требует денег на «высокую литературу» – ну то есть на себя же.

И что, вы думаете, чиновник будет пробовать на зуб сертификаты, напрягать мозги, размышлять, всё ли золото, что блестит? Ага, дождитесь! Еще со времен незабвенного «Золотого тельца» Ильфа и Петрова всем известно, что наш чиновник ленив и доверчив. Ему легче оплатить не глядя сценарий фильма «Шея», чем вникнуть в его суть, и проще поверить, что Остап Бендер с Шурой Балагановым – настоящие сыновья лейтенанта Шмидта, чем мучительно вспоминать, были ли вообще у лейтенанта Шмидта хоть какие-нибудь дети.

СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ ЕЩЕ НЕ ПРОДАН

Что нам известно о работе органов госбезопасности? С одной стороны, немало. Мы помним про Николая Ежова, майора Пронина, Макса Отто фон Штирлица, Юрия Андропова и других видных героев «невидимого фронта». Из нашей памяти еще не выветрился пароль «У вас продается славянский шкаф?» (отзыв: «Вы болван, Штюбинг!»).

С другой стороны, мы по-прежнему крайне мало знаем о том, чем реально занимаются сегодня рыцари щита и меча. Обезвреживают бомбы? Решают кроссворды? Гонятся за космическими пришельцами? Точат мечи? Полируют щиты? Тссс! Гриф «Секретно» – популярная в наших краях птичка. Никакая гостайна, даже намек на гостайну и даже намек на намек не просочатся сквозь непроницаемые пресс-релизы, подготовленные для журналистов многоопытной Татьяной Бреус, которая в Управлении УФСБ России по Саратовской области уже не первый год занимается связями с общественностью.

Однако ничто человеческое не чуждо даже «железным женщинам». У всех бывают маленькие слабости. Кто-то дрессирует мопсов, кто-то конструирует икебану, кто-то увлекается

ведической кулинарией, а вот у Татьяны Бреус хобби – история. Закономерным итогом ее исторических штудий стала кандидатская диссертация, которая защищена в стенах Саратовского государственного социально-экономического университета. Всякий любопытствующий гражданин – включая, увы, и неизбежных для такого мероприятия агентов иностранных разведок – мог свободно прийти на защиту и узнать, наконец, все то, что прежде оставалось за рамками скупых пресс-релизов Татьяны Викторовны.

Само название диссертации будоражит воображение: «Деятельность территориальных Управлений ФСБ России по патриотическому воспитанию граждан (на материалах областей Нижнего Поволжья)».

Так вот чем в реальности занимается сегодня знаменитое силовое ведомство с мрачноватым бэкграундом – воспитанием граждан! Причем это занятие, как подчеркивается в автореферате диссертации (в дальнейшем все цитаты взяты оттуда), «крайне актуально для обеспечения защиты государства и общества от посягательств иностранных спецслужб, терроризма и экстремизма». Сразу же представляется картинка: усталые майоры с добрыми глазами приглашают в кабинеты потенциальных террористов, будущих диверсантов и возможных пособников

зарубежных джеймсбондов, наливают гостям чаю, пододвигают варенье, задушевно интересуются здоровьем, детьми, а затем уж начинают учить их любить Родину...

Впрочем, диссертация – не поэма; таких живописных подробностей автореферат не содержит. Все прозаичней. Как выясняется, задушевных бесед не будет: на всех экстремистов никаких майоров не хватит, да и не майорское это дело – чай распивать. Уже во втором разделе нам популярно объясняют, что важнейшим «фактором патриотического воспитания» граждан является «информирование общественности о деятельности органов государственной безопасности». Иными словами, самим компетентным органам ничего особенно и делать не надо – им достаточно просто позировать для СМИ в выгодном для себя свете, после чего патриотизм зародится в массах. Сам собой возникнет, чисто автоматически.

Таким образом, на передний план выдвигается уже не столько работа органов, сколько ее правильное освещение. Не суть, а картинка. Не факт, а интерпретация. И раз уж производством патриотизма в промышленных масштабах обязана, по мысли диссертанта, заниматься журналистская братия, с нее и спрос, если что.

СМИ «помогают населению осмыслить действия ФСБ, формируют общественное мнение,

способствуют обеспечению общественной поддержки отечественным спецслужбам или наоборот доводят до них озабоченность граждан по тем или иным результатам работы органов безопасности», – пишет Татьяна Бреус. Если же вдруг по каким-то причинам количество патриотизма на душу населения уменьшится, на репортеров можно переложить ответственность: быстро задействовать грозный тезис о «бурном развитии «заказной» журналистики» и включить страшилку про «использование СМИ различными группировками и криминальными авторитетами в качестве инструмента манипулирования общественным сознанием». Нетрудно заметить, что разницу между «заказным» и «верно ориентированным», между «формированием общественного мнения» и «манипулированием общественным сознанием» определяет лишь ракурс восприятия. Как в классической формуле: если «их», то шпион, если «наш», то разведчик.

«Критерии чистоты информации о деятельности ФСБ – это потенциал развития личности журналиста, уровень его нравственности и информированности за счет контактов со структурами общественных связей», напоминает диссертант. Легко догадаться, что правильный журналист будет черпать информацию в правильном источнике и контактировать с кем

надо, в обстановке полного «взаимопонимания и доверия». Ну а если журналист пользуется иными источниками, выходит, его «нравственность» под вопросом? И сам он, значит, не дорос до «понимания сущности событий и явлений, происходящих с участием спецслужб»?

«Сегодня стоит задача – вернуть в число героев государственного человека в погонах, – пишет автор, – это и является одной из задач патриотического воспитания». Задачу, которая сформулирована в недрах спецслужб, решать придется опять-таки не самим усталым майорам, а представителям гражданских профессий. Журналистов и деятелей искусств уже в который раз припрягут для работы по «возвращению» рыцарей госбезопасности в число героев.

«Воспитывать можно фильмами, мультфильмами, книгами, компьютерными играми, – дает нам установку диссертант. – Такие формы могут создавать новые образцы для подражания и менять образ мысли». Что ж, наши киношники могут, конечно, снять (если государство щедро проплатит) новую серию мультика «Ну погоди!», где любой из персонажей наденет погоны, а разработчики компьютерных игр выпустят хоть Doom, хоть Tetris с эфэсбэшными героями (вбирающими в себя «фактически все мыслимые достоинства»). Но едва ли все это сможет всерьез «менять образ мысли». Автор

диссертации с укоризной пишет о том, что «образ чекиста в отечественном массовом сознании не однозначен».

Ох уж это массовое сознание! Вечно ему все не так. Впрочем, виноваты, естественно, не чекисты, а вновь журналисты: «Во второй половине 1980-х гг. шквал критики и разоблачений, касавшихся, главным образом, репрессивной направленности деятельности органов НКВД-НКГБ, буквально обрушился на читателей. Показ роли органов госбезопасности в массовых незаконных репрессиях периода 1930-1940 – начала 1950-х гг. довольно быстро трансформировался во всеобщее бичевание деятельности КГБ СССР и агентурно-оперативной работы, общепризнанной во всем мире. Все это привело не только к деморализации части сотрудников органов госбезопасности, но и сформировало в обществе образ некоего «монстра». Многие публикации на эту тему имели откровенно конъюнктурный, политически заказной характер и не способствовали решению задачи патриотического воспитания граждан, более того, разлагающе воздействовали на общественное сознание».

Да уж, действительно: ну какой патриотизм могут пробудить рассуждения об «усилении тоталитаризма в Советском Союзе», о «масштабах принуждения»? «Население страны

было доведено до состояния массового психоза. «Шпиономания» стала естественным и необходимым атрибутом жизни и деятельности не только партийных организаций всех уровней (это касалось как высших эшелонов власти, так и низовых партийных ячеек), но и каждого гражданина СССР. Это был важнейший элемент зарождавшегося механизма массовых репрессий советских граждан по политическим мотивам».

Откуда приведенные цитаты? Да из того же самого автореферата Татьяны Бреус, только с другой страницы! Давно уже обозначенный российскими социологами «плюрализм в одной голове», чреватый политической шизофренией, проистекает из того, что вовсе не журналисты, а сами работники госбезопасности, похоже, до сих пор не могут для себя решить, кто они такие: прямые наследники советской репрессивной машины или, наоборот, отважные борцы с ней? Если наследники, то обличения тоталитаризма в их устах выглядят, по меньшей мере, странными. А если борцы, то к чему, например, записывать себе, нынешним, в актив методы из арсеналов еще Железного Феликса? («Исторические особенности реализации принципа прозрачности и доступности информации о деятельности органов государственной безопасности свидетельствуют, что еще на заре создания ВЧК,

ее Председатель Ф. Э. Дзержинский обращал внимание на необходимость укрепления связей с массами»))

Напоследок еще одна цитата – пожалуй, она ключевая для всей работы Татьяны Бреус. По мнению автора диссертации, нынешним компетентным органам необходимо «формирование уважительного отношения граждан к истории своего Отечества, а равно – к истории отечественных спецслужб». Это замечательное «а равно» не требует комментариев, и так все ясно. Как видим, и сегодня находятся желающие поставить знак равенства между Отечеством и госбезопасностью...

Так с чего же начинается Родина? С заветной скамьи у ворот? С той самой березки, что во поле? Или с найденного в шкафу револьвера Дзержинского – оружия старого, но еще вполне годного? А?

ПОЗОРИЩЕ

Дожили, поздравляем! За неделю до того, как Россия отметила столетие со дня рождения Александра Твардовского – поэта и многолетнего редактора журнала «Новый мир» – в Саратове решили с большой помпой провести «культурное мероприятие» во славу одного из тех, кто активно поучаствовал в травле Александра Трифоновича и, как считается, приблизил тем самым его скоропостижную кончину. В Государственном музее К. Федина, в присутствии репортеров, фотокамер и телекамер, с пафосом и с проникновенной слезой в голосе возвеличивали Михаила Алексева – одного из тех, кого сам Твардовский (о чем напомнил недавно биограф поэта, критик Андрей Турков) в своих «Дневниках» незадолго до смерти называл «вурдалачьей стаей»...

За что и под какими лозунгами «стая единомышленников» уничтожала «Новый мир», речь впереди. Мы еще вернемся к этому гнусному историко-литературному эпизоду, который – подобно дохлой рыбе или глубинной бомбе – все-таки всплыл во время музейного действия и, по счастью, подпортил его совковую безмятежность и елейную благостность. Однако пока не будем нарушать хронологию.

Поскольку афиши об «Алексеевских чтениях», выпавших на долю «фединцев», появились заранее, да и пресс-релизы тоже были разосланы в СМИ со значительным опережением, все пришедшие на торжество успели подготовиться к грядущему событию: за два часа и семьдесят тысяч бюджетных рублей (таков, по слухам, был вклад облминкульта) московские гости рука об руку с местными мастерами слова должны были теоретически обосновать волшебное превращение типичной «секретарской литературы» брежневских времен в «исторический эквивалент бытия своего народа», попутно объяснив, что, собственно, означает вообще эта крайне заковыристая фраза.

По-хорошему, на открытии «чтений» следовало бы присутствовать экс-губернатору Саратовщины Дмитрию Аяцкову, который – со свойственным его правлению дурным размахом – еще в 1998 году авторитарно назначил захиревшего в Москве номенклатурного пенсионера Алексеева живым саратовским классиком и учредил литпремию его имени. В компании с Аяцковым неплохо смотрелся бы и Павел Ипатов, который десять лет спустя (после кончины писателя) еще разок, уже собственным постановлением № 206-П, узаконил «Алексеевку», обеспечив ей госфинансирование по разделу 08 «Культура, кинематография и средства массовой информации».

Бывший и нынешний губернские небожители в музей, однако, не явились, так что с приветственным словом к аудитории пришлось обращаться директору музея Валентине Жуковой. Она-то и возвестила о зарождающейся доброй традиции в жизни нашего города и ненавязчиво осчастливила покойных Ахматову, Пастернака и Пильняка упоминанием Алексеева в одном ряду с ними. Выступивший следом министр местной культуры Владимир Синюков, тепло улыбаясь, вспомнил времена былые, когда даже он сам (еще не будучи организационно связан с культурой) выписывал 4 или 5 литжурналов. Затем, скорбно хмурясь, областной министр растер в мелкий порошок времена нынешние – за «глобализм», «утрату культурной идентичности», «безнравственность», «вестернизацию» и прочие ужасные вещи, к каковым, впрочем, ни герои Алексеева («простые русские люди, воины, пахари, русские женщины»), ни сам писатель никакого касательства, разумеется, не имеют.

К чести филфака СГУ (то есть, извините, Института филологии и журналистики), его преподаватели, будучи приглашены и даже упомянуты в программе, отбоярились и не пришли. Представлять науку были вынуждены экс-преподаватель ВПШ, доктор филологии Юрий Воронов и две дамы из

ПИСГУ. Доктор своей зажигательной речью нанес по собравшимся акустический удар, однако сам смысл выступления таинственно затерялся где-то между экспрессией и децибелами. Две педагогических дамы попытались выйти на орбиту «творческой преемственности и неповторимой самобытности национального самосознания», но при этом одна из них ухитрилась дважды назвать Михаила Николаевича Михаилом Алексеевичем и один раз почему-то – «писателем-шестидесятником». Другая ораторша, не отрываясь от конспектов, с помощью стертых, как пятаки, цитат пугливо спорила с кем-то невидимым и неправильным – тем, кто злонамеренно недооценил у Алексева женские образы (со стороны все это выглядело схваткой человека с полтергейстом).

Главный саратовский писатель (по версии СП России), лауреат премии имени М. Алексева Владимир Масян предложил организовать за счет бюджета выпуск книг лауреатов премии имени М. Алексева, чтобы распространять их по сельским библиотекам. Главный редактор столичной газеты «Русь державная» Андрей Печерский – не путать с писателем Мельниковым-Печерским! – объяснил, почему его газета называется «Русь державная». Еще один московский гость, зам главного редактора журнала «Наш современник» Александр Казинцев,

и местный поэт Николай Палькин по очереди поделились задушевными воспоминаниями о покойном виновнике торжества как о человеке, приятном во всех отношениях. Сам покойный, чья мультимедийная тень нарисовалась на белом полотне экрана, тоже не остался в стороне от праздника: вдохновенно окая, он поведал собравшимся о неисчерпаемых родниковых истоках своего творчества, обнаруженных на территории «малой родины».

К исходу первого часа «чтений», когда душноватый музейный зальчик уже весь, казалось, был переполнен сиропом и патокой, автор этих строк попросил слова и спустя минут двадцать (все это время в президиуме шли консультации: давать? не давать?) получил таки возможность для небольшого выступления. Много ли удастся рассказать за три минуты? Разве что очень-очень кратко напомнить публике, по инерции плывшей в сиропе, о некоторых реальных исторических фактах, которые не вяжутся с обликом Выдающегося Земляка и Гордости Губернии. Сейчас, когда «мероприятие» осталось позади, можно не торопясь, не отвлекаясь на вытянувшиеся лица президиума и особо не заботясь о регламенте, поделиться с читателями тем, о чем успел тогда сказать – и о чем не успел...

Еще раз предупреждаем: тем из читателей, кому угодно остаться среди приятных заблуждений,

воображая Михаила Алексева эдаким пряничным дедушкой, дальше читать не стоит. Остальным напомним для начала о событиях лета 1969 года – времени, когда от хрущевской «оттепели» давно не оставалось следа, и «Новый мир», возглавляемый Александром Твардовским, был, по сути, последней журнальной площадкой, свободной от подступающей к горлу охранительной идеологии. Цензура изматывала редакционный коллектив бесконечными запретами, но авторитет автора «Василия Теркина» был слишком высок, чтобы главного редактора можно было тихо свалить. Нужен был повод, и повод нашелся.

Журнал «Огонек», в ту пору возглавляемый одиозным Анатолием Софроновым, опубликовал коллективное письмо одиннадцати писателей «Против чего выступает «Новый мир»?» Письмо, по сути, было неприкрытым доносом в высокие инстанции. Авторы утверждали, что журнал «давно уже утратил представление о своем истинном месте в борьбе с чуждой идеологией», что в журнале «планомерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеям и завоеваниям», что его критика проникнута «космополитическими идеями». Все это звучало, как политическое обвинение, а одним из «подписантов» был Михаил Алексеев...

«Новомирцы» сразу же постарались печатно ответить своим хулителям, но опубликовать текст и в собственном журнале было проблематично. Жаль, что никто из саратовских музейщиков, выступавших на «чтениях», не вспомнил, как другой наш земляк, писательский начальник Константин Федин, совершил тем летом 69-го неожиданно мужественный поступок. По воспоминаниям тогдашнего соратника Твардовского, Владимира Лакшина, Федин, будучи членом редколлегии журнала, написал: «нахожу ответ редакции справедливым и заслуживающим напечатания в «Новом мире»...» И в июльской книжке журнала редакционный текст, наконец, увидел свет. «Новомирцы», в частности, напоминали о том, что большинство «подписантов» – в том числе и Алексеев, – навешивая на оппонентов политические ярлыки, имели очевидные и личные мотивы для неприязни. Ибо произведения этих авторов «подвергались весьма серьезной критике на страницах «Нового мира» за идейно-художественную невзыскательность, слабое знание жизни, дурной вкус, несамостоятельность письма». В 1965 и 1966 годы там, например, публиковались острокритические рецензии на сочинения Алексеева: роман «Хлеб – имя существительное» (Юрий Буртин) и «Повесть о моих друзьях-непоседах» (Наталья Ильина).

«Произведения Алексеева, – позднее вспоминал Буртин, – рассматривались «Новым миром» Твардовского как характерный образец псевдонародности, безвкусицы, художественной неправды». Идея написать фельетон о «Повести о моих друзьях-непоседах» исходила, кстати, от самого главного редактора. Наталья Ильина, иронически коснувшись сюжета и прямо указав на художественные и моральные «пробелы», делала закономерный вывод: «образы героев не удались», «от нее (то есть от повести. – Л. Г.) веет самодовольством». Конечно же, таких слов не прощают. Алексеев затаил обиду и три года спустя отплатил Твардовскому...

Через несколько месяцев после письма в «Огоньке» этот «сигнал» был услышан, и меры были приняты: Твардовского изгнали из «Нового мира», а сам журнал поменял курс. А еще через несколько месяцев автор «Василия Теркина» слег с инсультом и больше не поднялся. «Подписанты» могли торжествовать: дело сделано, враг повержен. «Для многих из них наступил поистине звездный час: одни стали Героями Соцтруда, другие лауреатами Государственных премий... – писал смоленский журналист Василий Савченков в статье «Травля», – но ни один не покаялся».

Более того: Алексееву было мало изгнания Александра Трифоновича с поста, он жаждал

еще и «морального удовлетворения», и для этого был готов – прямо по Оруэллу – «переписывать прошлое». В 1979 году, через восемь лет после смерти поэта, Алексеев в интервью «Литгазете» рассказал о том, что незадолго до кончины Твардовский прочитал «Карюху» и «Хлеб – имя существительное», после чего изменил мнение о творчестве их автора и даже, мол, публично извинился перед ним: «побагровев», Александр Трифонович якобы произнес: «Алексеев, мы были к Вам несправедливы»...» Ту же самую историю наш земляк рассказывал еще не раз и не два. В статье, опубликованной «Днем литературы» (2003), финал выглядел так: «...»Карюха» впечатлила Твардовского. Он тут же позвонил мне и попросил принести ему другие мои работы». С тех пор писатели подружились...» (! – Л. Г.). А вот версия из интервью саратовской вкладки в «Известия» (2003): «После того, как Александр Трифонович прочитал мои романы, в частности, «Карюха» и «Рыжонка», он подошел ко мне и попросил прощения. «Михаил Николаевич, – сказал он, – мы были к вам несправедливы»...»

Третья вариация легенды выглядит совсем бредово: «Рыжонка» была написана в 1990 году (это подтвердила во время «Алексеевских чтений» дочь писателя Лариса Михайловна), Твардовский ушел из жизни девятнадцатью

годами раньше, и – если не рассматривать мистическую версию о спиритическом сеансе – «случай так называемого вранья» кажется вопиющим. Однако и иные изводы той версии не выдерживают критики. В статье «Возможность возразить» (1988) Юрий Буртин провел расследование. Опросив свидетелей, сопоставив даты, он сделал вывод: «Никакому пересмотру его (Твардовского. – Л. Г.) отношение к сочинениям М. Алексеева никогда не подвергалось... Установлено, что не только по сути, но и по всем деталям, из коих Алексеев сплел сюжет рассказанной им истории, она представляет собой чистейшую выдумку...»

Примечательно, что никто из присутствующих на «чтениях» в Фединском музее – ни дочь писателя, ни московские гости, ни саратовские литфункционеры, – выслушав эту историю, не попытались как-либо образом обелить Алексеева. В качестве резюме было просто заявлено, что «правда бывает разная. Есть правда любви и есть правда ненависти». И поскольку, мол, все творчество писателя Алексеева знаменует собой «правду любви», то попытки вывести лжеца на чистую воду есть проявление деструктивной «правды ненависти», на которую можно и не обращать внимания.

На самом деле, разумеется, правда – как свежесть осетрины в знаменитом булгаковском

романе – может быть только одна. Либо она, либо вранье, а третьего, уж извините, не дано.

Кстати, о романе Булгакова. Александр Бобров, лауреат премии имени М. Алексеева, недавно поведал читателям: «Все, кому дорога русская литература, знают, что именно в журнале «Москва», редактируемом Алексеевым, были напечатаны впервые «Мастер и Маргарита» Булгакова...» Ранее той же историей уже успел поделиться с публикой и сам Алексеев – в интервью «Российской газете» (2002), под названием «А рукописи вправду не горят»: «С душевным трепетом отправлял я верстку январского номера в Главлит. А когда она вернулась – ахнул: красный карандаш изрядно погулял по полосам. Цензура представила нам весьма обширные сокращения. Я немедленно отправился к председателю Главлита. Бой шел за каждую снятую страницу... Во всяком случае, мне удалось немало отстоять... Мы были первыми, кто исполнил мечту Михаила Афанасьевича – явили его творение народу...»

Красиво? Трогательно? Только все эти слова – ложь от начала до конца. Разоблачая очередное алексеевское вранье, критик Андрей Турков цитирует слова Дианы Тевекелян, которая работала в отделе прозы журнала «Москва» именно в ту пору, когда там публиковался булгаковский шедевр: «Никак не мог Михаил

Алексеев «совершить свой редакторский подвиг». Не ходил к (...) главному цензору Романову с «Мастером». Не был среди тех, кто явил булгаковский шедевр читающему миру». Ибо роман был – действительно, с великими трудностями и потерями – опубликован в последних номерах «Москвы» 1966 года и в январской книжке 1967-го уже смертельно больным главным редактором Евгением Поповкиным. Алексеев же занял этот пост только в 1968 году».

На что же рассчитывал лжец? На невежество публики? На то, что свидетели уже умерли, а даты никто не станет сверять? На то, что номенклатурное прошлое вруна перекроет дорогу опровержениям? В прежние годы так и было: Юрий Буртин, пытавшийся разоблачить клевету на Твардовского, не мог опубликовать свой текст почти десять лет, вплоть до перестройки.

Кстати, присвоив заслуги своего предшественника на редакторском посту, Алексеев заодно и отомстил ему: в 1952 году наш земляк рассчитывал получить Сталинскую премию за первый том «Солдат», но вместо этого награда досталась автору «Семьи Рубанюк» – то есть как раз-таки Поповкину. Полвека спустя появилась возможность сквитаться, и Михаил Николаевич этого шанса не упустил...

«Михаил Алексеев любит вокруг себя сочинять множество мифов, – писал Вячеслав

Огрызко в «Литературной России» (2005). – Взять, к примеру, дату рождения. Если верить справочникам, он появился на свет 22 апреля 1918 года в саратовском селе Монастырское. По новому стилю этот день приходится на 4 апреля. Однако в паспорте у писателя проставлена другая дата: 6 мая. Но сам Алексеев везде и всюду говорит, что и месяц, и число возникли из небытия, когда он поступал в 1936 году в Аткарское педучилище. Своей настоящей датой рождения писатель считает 29 ноября 1918 года».

А откуда, интересно, взялось у саратовца вологодское «оканье»? Неужели он и его сам себе придумал, чтобы казаться «ближе к народу»? Что ж, не исключено. «Выходя на люди, Алексеев строит только на лжи», – писал о нем Александр Солженицын. Владимир Войнович называл его человеком, который «имеет о чести весьма своеобразное представление», Анатолий Гладилин – «просоветским зубром», Дмитрий Быков – «официозным прозаиком», Григорий Свирский – «серым, бездарным... оплотом режима». В своих интервью Алексеев ратовал за переименование Волгограда обратно в Сталинград и с похвалой отзывался о сталинском приказе № 227, когда вождь позаимствовал у Гитлера идею заградотрядов.

А еще Алексеев выгнал из редакции «Москвы» мать Алексея Симонова за публикацию

стихотворения Семена Липкина, которое счел «сионистским», и отмежевался от критика Лобанова, когда поднялся скандал вокруг статьи «Освобождение» (о романе «Драчуны»).

Нашего земляка, похоже, не любили не только оппоненты из лагеря либерального, но и соратники из лагеря национал-патриотического. Как рассказывал писатель Иван Шевцов в интервью журналу «Русская жизнь» (2007), одиозный Всеволод Кочетов отзывался об Алексее так: «Он хороший парень, но если бы он оказался на оккупированной территории, немцы сделали бы его бургомистром»...

Пока была крепка советская власть, Алексеев был чемпионом по переизданиям (к 1988 году вышло 109 книг), хотя, как писал тот же Вячеслав Огрызко, часто переиздавали его «не столько из-за огромной популярности писателя и высокого художественного уровня его сочинений, а из-за занимаемых им больших постов». Едва Совпис закатился и посты обратились в пыль, Алексеев смог рассчитывать только на чужое невежество и чужое беспамятство. Ну и на «малую родину», конечно. Если уж для кого-то правд бывает несколько, отчего не порадовать кумиру «второй свежести»?

ЕСЛИ БЫ ДАНТЕС БЫЛ НАШИМ ЗЕМЛЯКОМ

*Вдруг оттуда вылезло той-то непотребное:
Может быть, зеленый змей, а, может, крокодил.*

Владимир Высоцкий

Если бы Георгий Осипович Дантес (Georges Charles de Heeckeren d'Anthes) был бы уроженцем не Эльзаса, а, к примеру, Саратова, то он мог бы запросто стать Почетным гражданином нашего города. Судите сами: мсье Дантес – кавалергард, депутат, сенатор Франции, орденосец, командер Почетного Легиона, добросовестный налогоплательщик, уважаемый отец семейства... Вы спросите: а как же Пушкин? А что, собственно говоря, Пушкин? Заладили: «Пушкин, Пушкин...» Его ведь убили и давно, и далеко, к тому же вовсе не на территории нашего региона. Так что этим незначительным обстоятельством легко можно пренебречь. Не правда ли?..

25 июля 2010 года исполнилось 30 лет со дня смерти Владимира Высоцкого, а за четыре недели до этой даты звание Почетного гражданина Саратова было присвоено председателю Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Ленинского района Галине Мушта. Не будучи знакомым с Галиной Андреевной, я вполне допускаю, что

у нее накопилось немало заслуг перед ветеранским движением. Однако рискну предположить: если ей и суждено остаться в российской истории, то, скорее всего, именно благодаря знаменитому актеру, поэту и барду.

Напомню, что 9 июня 1968 года газета «Советская Россия» разразилась обширной статьей под названием «О чем поет Высоцкий?», авторами которой значились саратовский преподаватель Г. Мушта и московский журналист А. Бондарюк.

Вот лишь несколько цитат: «Под видом искусства преподносятся обывательщина, пошлость, безнравственность. Высоцкий поет от имени и во имя алкоголиков, штрафников, преступников, людей порочных и неполноценных. Это распоясавшиеся хулиганы, похваляющиеся своей безнаказанностью (...). Во имя чего поет Высоцкий? Он сам отвечает на этот вопрос: «ради справедливости, и только». Но на поверку оказывается, что эта справедливость – клевета на нашу действительность. У него, например, не находится добрых слов о миллионах советских людей, отдавших свои жизни за Родину (...). Высоцкому приятна такая слава, которая «грустной собакой плетется за ним». И в погоне за этой сомнительной славой он не останавливается перед издевкой над советскими людьми, их патриотической гордостью. (...) Ржавчина не вдруг

поражает металл, а исподволь, незаметно. И человек не вдруг начинает воспринимать и высказывать чужие взгляды. Сначала это просто сочувствие преступникам на том основании, что они тоже люди. Сначала – вроде шутя о милиции, которая «заламывает руки», и «с размаху бросает болезного», а потом возникает недовольство законом, правосудием (...). Привлекательными кажутся многим поначалу и песни Высоцкого. Но вдумайтесь в текст, и вы поймете, какой внутренний смысл таится за их внешностью. Мы слышали, что Высоцкий хороший драматический артист, и очень жаль, что его товарищи по искусству вовремя не остановили его, не помогли ему понять, что запел он свои песни с чужого голоса».

В той публикации было много откровенных нелепостей и очевидных передежек: авторы намеренно смешивали «я» персонажей с авторским «я», ввалили насчет военных песен (их у Высоцкого было множество, и «добрые слова» о погибших за Родину там, конечно же, присутствовали), а заодно приписали Высоцкому, например, одну песню Кукина и одну Визбора. Но хуже всего был откровенно доносительный тон публикации. Это была не просто статья, а, как говорили в те времена, «сигнал» в соответствующие инстанции.

Сегодня, когда весомость газетной публикации стремится к нулю, эти обвинения

в политической неблагонадежности выглядят дурным анекдотом, не более того. Однако в советские годы, не забудем, печатное слово, да еще в центральной прессе, могло стать опасным оружием, реально повлиять на судьбу человека и исковеркать ее.

В 1968 году «вегетарианские», по выражению Ахматовой, времена уже кончались. К середине 60-х от хрущевской «оттепели» не осталось и следа, и уже в 1966 году литераторы Андрей Синявский и Юлий Даниэль за «клевету на действительность» – в своих художественных произведениях – получили реальные сроки. Власть «закручивала гайки», близился час вторжения советских танков в Чехословакию, и человек, заподозренный в неблагонадежности, мог угодить под административный пресс и за вполне невинные вещи. А в статье «О чем поет Высоцкий?» в ход, между прочим, шла тяжелая артиллерия: «Клевета на нашу действительность», «издевка над советскими людьми», «чужие взгляды», «с чужого голоса», «недовольство законом, правосудием»... Эти выражения больше походили не на литературно-критические оценки текстов, а смахивали на цитаты из будущего судебного приговора.

Биографы Высоцкого отмечают, что статья в «Советской России» стала первой подобной публикацией о его песнях в центральных СМИ, оказавшись чем-то вроде спускового крючка:

вскоре увидела свет статья Р. Лынева в «Комсомолке» под названием «Что за песней?», а следом, как предполагалось, должны были выйти и другие. Будь Высоцкий чуть менее популярен и любим, неизвестно, чем бы вся эта грозная кампания закончилась. По счастью, в 1968 году нашлись люди, которые поэту симпатизировали, и им как-то удалось утихомирить надвигающееся газетное цунами. Повезло. «Распяли, но не сильно». А ведь могло бы и не повезти...

В одном из интервью Галина Мушта рассказала корреспонденту ГТРК «Саратов», что от своих взглядов на творчество Высоцкого не отказывается до сих пор, и разоблачить его («этот человек – как чемодан с двойным дном») она решила не по приказу начальства, но исключительно по велению сердца, искренне желая защитить молодое поколение от пагубного влияния: «Мой сын с утра до ночи слушал эти песни. Тогда я разозлилась, села и написала эту статью». В общем, все получилось само собой. Маленькая обеспокоенность саратовского преподавателя крайне удачно совпала с большим партийным беспокойством, и колесики завертелись...

Быть может, и не следовало вновь возвращаться к этим давним событиям, если бы не стойкое ощущение дежавю. Кажется, будто присвоение почетного звания гонителю Высоцкого нарочно, в виде какой-то исторической издевки,

подгадали к печальному юбилею смерти Высоцкого. Неужели для наших краев это не глупая случайность и не частность, но прискорбная тенденция? Ведь совсем недавно, в дни столетнего юбилея Александра Твардовского, именно в Саратове чествовали человека, который был активным участником травли Твардовского, а после его смерти распространял о нем всякие оскорбительные небылицы. Речь идет, напомним, о писателе-земляке Михаиле Алексееве – между прочим, Почетном гражданине Саратовской области (аж с 1998 года!).

Кстати! Согласно Положению о Почетном гражданине города Саратова, принятом гордумой 31.01.2007 года, звания этого может быть удостоен не обязательно земляк и даже не обязательно живой. Достаточно, чтобы претендент внес «значительный вклад в развитие культурного, научного достояния Российской Федерации».

Никто, я думаю, не усомнится в том, что и создатель «Василия Теркина», и исполнитель ролей Гамлета и Глеба Жеглова подобный «значительный вклад» внесли – притом с избытком. Однако никому из чиновников почему-то и в голову не пришло сделать Почетными гражданами Саратова тех же Александра Твардовского или Владимира Высоцкого. Наверное, в наших краях как-то по-особому воспринимается слово «почет». Климат, что ли, у нас такой?

СОДЕРЖАНИЕ

Пожатье каменных десниц ...	3
Стихи на случай сохранились ...	9
«Где бы меня ни спросили, с гордостью выкрикну я...» ...	15
И Пушкин – такой молодой ...	20
Дух Единого Целого против Геморроя ...	26
Удушение в объятых ...	34
В лаптях на лыжах ...	39
Саратов – родина страусов ...	46
Мудрый Виссарионыч и зазывные огурцы ...	53
Что ж вы, мастера культуры? ...	60
Карта в рукаве ...	67
Гомер, Мильтон и Амусин ...	74
Союз писателей Атлантиды ...	80
Славянский шкаф еще не продан ...	91
Позорище ...	99
Если бы Дантес был нашим земляком ...	113

Гурский Лев Аркадьевич

**СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АТЛАНТИДЫ**

Литературные фельетоны

Редактор **Р. Арбитман**

Художник **А. Гурский**

Технический редактор **А. Тужилкин**

Корректор

Сайт автора: **www.gursky.by.ru**

ООО «ПринТерра-Дизайн»
400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 88
тел.: 23-87-01, 23-82-60, 23-32-81
mail@printerra.com

Подписано в печать 10.10.10. Формат 70х90 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 0,0.

Тираж 300 экз. Заказ 000.

Отпечатано в типографии издательства
«ПринТерра-Дизайн»